Твое имя

Автор:
Анна Платунова

Твое имя

Анна Сергеевна Платунова

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Это страшная сказка, рассказанная ночью у костра. Если вы боитесь оживших мертвецов и смертельных тварей, что разгуливают в темноте леса, то лучше не слушайте. Отвернитесь, закройте глаза. Если вы боитесь предательства и смерти, то не переворачивайте первой страницы.

У вас есть выбор. Но у Мары – прирожденной некромантки – его никогда не было. И она не боится посмотреть в глаза своему страху. Она только одного боится на самом деле – любви.

Вы готовы отправиться в опасный путь? Пройти его с героиней до конца и понять, что, возможно, любовь – это главное, ради чего стоит жить.

Анна Платунова

Твое имя

Глава 1

– Ы-хы, – сказал мертвец. – Ы-ы-ы.

Мара поморщилась. Заказ на этот раз дурно попахивал в прямом и в переносном смысле. Она старалась избегать оживления трупов недельной давности: все равно внятной речи от них не добиться, а возни столько, что энергию потом приходится по крупицам восстанавливать. Но на этот раз выбора не осталось: денег едва хватит, чтобы за ужин заплатить, а вот ночевать вновь пришлось бы под открытым небом. Но у хозяйки трактира весьма кстати скончался супруг, забыв рассказать жене, как открыть сейф, где была спрятана внушительная сумма семейных накоплений. Металлический сейф был встроен в стену спальни, и новоиспеченная вдова, взвесив все за и против, решила, что легче заплатить некромантке, так вовремя шагнувшей за порог поздним вечером, чем ломать каменную кладку.

– Не могу ручаться, что выполню заказ. Через три дня после смерти трупы… хм… клиенты… становятся не особо разговорчивы. Но вам придется оплатить мою работу полностью. Согласны на такие условия?

Женщина с пристрастием осмотрела гостью – ну как она вовсе не некромантка, а только притворяется ею? Выкрала где-то знак гильдии и теперь обманывает порядочных людей. Но гостья не выглядела лгуньей и за заказ приниматься не рвалась. Смотрела устало и серьезно. Кожаная куртка покрыта пылью, волосы, чтобы не мешали в работе, обрезаны так коротко, что с первого взгляда и не угадывалось, что перед тобой девушка. Вроде как миловидный паренек. Но фигура все-таки выдавала: девица, тут без сомнений.

Спутник тяжело опустился на деревянный стул, снял с плеч мешок, кинул у ног. Молчаливо ждал, чем закончится разговор.

Договорились на ужин, ночлег и десяток медяков. Обычно Мара брала больше за свои услуги, но едва ли в ближайшие дни подвернется новый заказ, а они сейчас на мели.

И вот теперь она пыталась вести беседу с бывшим хозяином трактира, который и при жизни, по словам его жены, разговорчивостью не отличался. Маре казалось, что мертвец был недоволен тем, что тело его потревожили, вынули из могилы. Но на самом деле она знала, что воскрешенные ничего не чувствуют и ни о чем не думают. На короткое время их можно было подчинить, оживить воспоминания, заставить говорить, но это были уже не люди. Если только…

– Твое имя? – задала Мара традиционный вопрос.

В нем сейчас никакой нужды не было, и так видно невооруженным глазом, что существо, сидевшее перед ней, не имеет ничего общего с мыслящим, разумным созданием, но, получая значок гильдии, Мара принесла клятву следовать всем этапам воскрешения. Если дойдут слухи о том, что она пренебрегает законом, значок могут и отобрать. А нет значка – нет работы.

– Ы-ы-ы, – протянул мертвец, пуская слюни.

Челюсть у него не закрывалась, так что Мара боролась с желанием наподдать по ней снизу, чтобы только больше не слышать этого тоскливого мычания.

– Что и требовалось доказать, – доверительно сообщила она бывшему трактирщику. – Имени ты своего не назвал, так что имею полное право поступить с тобой по своему усмотрению.

– Ы-хы!

– Да. Даже могу дать тебе приказ убить собственную глупую женушку… Вот она удивится!

Мара всегда разговаривала с воскрешенными. Она и сама не знала, зачем это делает. Может быть, это ее успокаивало, помогало унять то легкое чувство вины, что возникало каждый раз, когда тело, некогда бывшее человеком, открывало глаза, подчиняясь ее силе. Но что поделать – работа у нее такая. К тому же она прекрасно отдавала себе отчет в том, что перед ней только тень человека, пустой сосуд, где, если хорошенько поскрести, можно отыскать остатки воспоминаний. Если он не назвал своего имени, то, считай, перед тобой кукла, которую она, Мара, некромантка второго разряда, дергает за ниточки, заставляя говорить.

– А скажи-ка мне, милый друг, как сейф открывается?

Мара подошла ближе, пытаясь заглянуть воскрешенному в глаза, но они, пустые, мутные, белесые, как у рыбы, смотрели сквозь нее.

– Эй! Ты бы не лезла ему в рожу, – одернул ее спутник, до той секунды молчаливо стоявший у дверей. – А ну как оцарапает?

– Ерунда! – отмахнулась Мара. – Это не дикий мертвяк какой-нибудь. Этого я сама подчинила. Ничего он мне не сделает… А если что, так не впервой. Настойка кровяника всегда при мне.

– Ага, – поддакнул мужчина. – Настойка кровяника и полночи в бреду. Знаем, плавали.

Мара оторвалась от созерцания тусклых глаз воскрешенного и обернулась к своему напарнику. Губы сжаты от злости.

– Не отвлекай меня! – только и сказала она.

На этом спор закончился, некромантка вновь вернулась к работе.

– Что же мне с тобой делать? – пробормотала она себе под нос. – Зря я за дело взялась. Знала ведь, бесполезно.

Потом громко и четко, видимо, в последней попытке добиться хоть какого-то толка от мертвеца, повторила:

– Как открыть сейф в спальне?

Холодная липкая ладонь мертвеца вдруг схватила ее за руку. Мара скривилась от омерзения, но руку вырывать не стала. Она давно научилась различать угрозу и попытку что-то сообщить. Сейчас бывший хозяин трактира агрессии не проявлял.

Мужчина, наблюдающий за этой сценой, дернулся было навстречу, но Мара жестом остановила его, а сама застыла на месте, пытаясь понять, что же хочет поведать ей воскрешенный.

Мертвец не просто держал ее за руку – он норовил ухватить за безымянный палец. Безымянный палец, на котором замужние дамы обычно носят кольцо. Так-так…

– Умри! – крикнула Мара, ткнув указательным пальцем в лоб бывшего хозяина трактира.

В воздухе мелькнула синяя вспышка, резко запахло озоном, как после грозы, и мертвец точно подкошенный в то же мгновение рухнул на пол.

– Бестолково все, да? – поинтересовался спутник Мары. Однако в его голосе явно сквозило облегчение. – И ладно. Деньги она нам все равно заплатит.

Мара покосилась на напарника с неудовольствием.

– Не знаю пока, есть ли толк, – ответила она, не вдаваясь в подробности.

Она действительно не знала. Может быть, догадка окажется неверной, но попытаться стоило.

Вдова ожидала в соседней комнате. Так и стояла, застыв у стены, как скульптура. Видно, даже с места не сдвинулась за те полчаса, что они отсутствовали.

– Ну, что он? – спросила женщина, сжав руки у груди, словно пытаясь закрыться ими. – Как он?

– Молчит как мертвец, – мрачно пошутила Мара, но, заметив округлившийся рот заказчицы и ее посеревшую кожу, смягчилась: – Возможно, мне удалось кое-что узнать. Где ваше обручальное кольцо?

Женщина вытянула вперед трясущуюся кисть: на безымянном пальце блестело кольцо с большим, замысловатой огранки, камнем.

– Это просто кварц, – объяснила она, будто извиняясь. – Не драгоценный камень. Но красивый ведь, правда?

– Ага, – буркнула Мара, чтобы хоть что-то сказать. – Дайте-ка мне его и покажите, где у вас сейф!

Как и предполагала Мара, камень идеально подошел к отверстию на дверце сейфа. Некромантка осторожно повернула кольцо, запирающий механизм щелкнул, и дверца приоткрылась.

– Заказ выполнен полностью, – произнесла она финальную фразу, скрепляющую договор между двумя сторонами.

– А деньжат можно и сверх накинуть, – не удержался напарник, возвышаясь над новоиспеченной вдовой подобно скале.

Огромный, бородатый, мускулы угадываются даже сквозь ткань куртки. Хозяйка трактира нервно сглотнула и кивнула.

– Почему бы и нет. Парочку медных монет… – быстрый взгляд вверх. – Пять медных монет? Отлично.

В ее голосе явно читалось облегчение.

– Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты.

Говорят, раньше мертвые не восставали из своих могил. Сказки, конечно. Люди чего только не болтают. И мертвецы ведут себя как паиньки – умерев один раз, больше не воскресают, и по лесам не шатается всякая нечисть. И вообще, в мире только радуги, бабочки да цветы. Мара усмехнулась. Она уже большая девочка и давно не верит в небылицы.

Глава 2

Мара проснулась утром и долго лежала в кровати, глядя в потолок, ощущая под руками мягкую льняную ткань, а под головой – подушку. Прошлые ночи она провела у костра, закутавшись в одеяло, которое все равно не спасало от пронизывающего, выматывающего холода осенней погоды. Мешал не только холод: не удавалось полностью расслабиться даже тогда, когда Бьярн караулил в свою очередь. Мара сквозь забытье пыталась уловить токи светлой энергии, которую излучает все живое, и токи темной энергии, которой наполнено все

мертвое. Это было проклятием Мары, и это было ее даром. Даже если бы она захотела, то не смогла бы выбрать для себя иной судьбы: она была прирожденным некромантом. «Удивительным самородком», как назвал ее один из членов гильдии, когда она, никому не известная девчонка, ни дня не проучившаяся в Академии темных искусств, пришла сдавать экзамен на разряд. В стареньком платье, в шали, которая едва могла согреть в те первые весенние дни, когда солнце так обманчиво и приветливо светит, но не дарит ни капли тепла. Шаль отдала ей пожилая женщина, пожалев девчонку, у которой ничего не оказалось при себе, когда она постучалась в ее дверь. Постучалась, а потом просто упала на пороге дома…

Мара нахмурилась. В эти моменты она понимала, почему не очень любит ночевать в таких вот чистеньких, уютных трактирах. Стоит только выспаться, отдохнуть, а вечером хорошенько поужинать, да еще, если повезет, принять ванну и выстирать одежду, так непременно из самых потаенных уголков души полезут, как тараканы, воспоминания. Такие же, как они, – неистребимые. Прячутся до поры до времени, а потом, стоит только ослабить бдительность, ползут на свет.

Мара откинула одеяло и поднялась: нечего разлеживаться. Они договорились с Бьярном, что выйдут пораньше, сразу после завтрака, и тогда, возможно, к вечеру доберутся до Скира. Скир – самое крупное поселение по эту сторону Вечного Тракта. Стоит у самой границы с Чернолесьем. Мара надеялась, что там для нее найдется работа и получится отложить денег на зиму. Пока с накоплениями негусто.

Впервые за два года с момента получения значка гильдии Мара всерьез задумалась о том, что может остаться на зиму без крыши над головой. Она привыкла к тому, что отложенных денег хватает на то, чтобы снять комнату с полупансионом на постоялом дворе и худо-бедно переждать три самых холодных месяца. Но в этом году все как-то не заладилось. Затяжная весна, когда снег не сходил до самого Цветеня, а потом это неудачное дело, выбившее ее из рабочего графика на долгие три седмицы. Мара была уверена, что напарник, с которым она заключала договор уже второй год подряд, ее бросит, найдет более удачливого некроманта. А без напарника в ее деле никак нельзя – опять же закон, прописанный в своде правил. Кто-то должен прикрывать спину. Мара бы и рада стать сама себе хозяйка, но доверия некромантам-одиночкам никакого. Да и, признаться, вдвоем иногда легче. Есть с кем разделить дежурство у ночного костра, перекинуться парой слов в дороге. Да просто знать,

что кто-то идет рядом. Бьярн был отличным напарником бо`льшую часть времени – неразговорчивый, но исполнительный. Сильный и быстрый тогда, когда это нужно. И, к счастью, ни разу не взглянул на Мару как на девушку. Если бы он только заикнулся о чем-то подобном, Мара рассталась бы с ним в тот же день.

Мужчин она, мягко говоря, не любила. Всех. Бьярна терпела как суровую необходимость. Профессия некроманта приучила ее ко многим вещам относиться терпимее: отсекать лишнюю жалость, воспитать в себе здоровый цинизм. Ну и – так и быть – взять в напарники бородатого верзилу, раз так велит кодекс.

Мара натянула на себя холщовые брюки, чуть влажные – вечером она их выстирала, а просохнуть в прохладной комнате они не успели. Ничего, на ней высохнут. Натянула поверх тонкой сорочки, в которой спала, льняную рубаху с длинными рукавами и высоким воротом. Потянулась за курткой, когда взгляд упал на отражение в зеркале. Волосы пшеничного цвета были подстрижены очень коротко, но Маре показалось, что некоторые пряди можно и подрезать. Вот на висках, например, опять начинают виться, закручиваясь в локоны. Нет, так дело не пойдет. Она вытащила из ножен длинный кинжал и, подойдя к зеркалу, принялась срезать прядь за прядью.

За этим занятием ее и застал Бьярн. Мара услышала дробь пальцев по двери – напарник всегда так стучал, не ошибешься, – и крикнула, разрешая войти.

– А можно еще налысо побриться, – посоветовал он густым, тягучим голосом.

Мара с неудовольствием взглянула на Бьярна. Был у них разговор на эту тему, и ей казалось, что она разъяснила все раз и навсегда. Не его это печаль – ее волосы. Только ей решать, как с ними обходиться. Бьярн вроде отступился, однако каждый раз, когда он видел Мару, безжалостно кромсающую свои пряди, на его лице появлялось такое скорбное выражение, что некромантке незамедлительно хотелось этим же ножом оттяпать ему кусок бороды.

– Так и побрейся, – посоветовала она язвительно. – Даже интересно на тебя взглянуть без бороды. Наверное, и не узнаю.

Бьярн провел ладонью по своей черной, короткой, но густой бороде и смолчал.

Прежде чем спуститься на завтрак, они проверили содержимое мешка – не надо ли пополнить запасы. С собой несли только самое необходимое, лишний вес – помеха в их деле. Мара выставила на стол батарею пузырьков и склянок, с пристальным вниманием пересчитала их и осмотрела. Взвесила на руке холщовый мешочек, наполненный рассыпчатым, сминающимся в горсти веществом.

– Надо бы еще кладбищенской земли набрать, – сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Бьярну. Все равно именно ей и придется этим заниматься, напарник в таких делах не помощник. – Почти всю потратили на того мертвяка. Вот сильная зараза…

Мара вспомнила, как два дня назад они наткнулись на шатуна совсем неподалеку от тракта. Решили срезать путь до деревни по лесу. И казалось бы – солнце стояло в зените, когда шатуны предпочитают прятаться в тени, там, где заросли гуще, а этот вылез. И прямо на них попер, чуя исходящую от Бьярна энергию жизни. Мара успела прикрыться экраном, сделаться для шатуна своей – такой же темной и мертвой. А вот Бьярн представлял собой лакомый кусочек. Мертвецы ведь не за телом охотятся, а именно за жизненной силой. Присосутся и выпьют подчистую. Живыми их это не сделает, но позволит вместо положенного срока – недели после воскрешения – оставаться на ногах гораздо дольше, не распадаясь. Месяцы иногда. А этот как раз насосавшийся уже был, сильный, быстрый.

Мара обычно с первого применения заклятия «Умри» могла мертвеца уложить, а этот ни в какую. Три раза – три всплеска силы, а он все идет и идет. Все за секунды происходило, пока Бьярн меч доставал. Потом уже, позже, Мара себя отругала хорошенько за непрофессионализм. Знала ведь, что напарник не подведет. Еще мгновение, снес бы шатуну голову, что он и сделал. Только вот Мара почти всю энергию потратила и, оступившись, рухнула как подкошенная. А шатун уже руки к ней протянул: экран слетел, и мертвец понял, что перед ним живое существо.

Хорошо, Бьярн не растерялся и разрубил шатуна на куски. Потом они шевелящиеся еще обрубки как следует кладбищенской землей присыпали, подождали, пока затихнут.

Никогда еще Маре не было так стыдно – повела себя как девчонка. Некромант второго разряда не должен таких промахов допускать. Если бы не Бьярн… Не зря она ему третью часть доходов отдает. Все по-честному – третью часть ему, третью часть себе, остальное на текущие расходы. Вот только накопить все равно не получается.

– Кровяника докупить, всего три пузырька осталось, – продолжала перечислять Мара. – Я слышала, что еще солнечник хорошо от мертвецкой хвори помогает, но рисковать не хочу. Так… Ну, остальное пока в избытке.

Мара осторожно развязала сверток, в котором металлически постукивала укладка с инструментами – нож с узким тонким лезвием, иглы, моток тонких белых льняных ниток. Мара удовлетворенно кивнула своим мыслям.

– Ну, если только ниток взять еще. Кажется, я видела в начале улицы лавку. Дай-ка рану, кстати, посмотрю, – вдруг спохватилась она.

Бьярн повел плечом, будто только сейчас вспомнил о чем-то несущественном.

– Нормально там все, – буркнул он.

– Ага, нормально. Кровища хлестала. Дай посмотрю, как заживает.

Бьярн с обреченным лицом человека, который понимает, что выхода у него нет, стянул куртку, потом рубаху и остался сидеть перед Марой с голым торсом. Его плечо с двух сторон охватывал полукруглый шрам, стянутый аккуратными стежками. Мара пробежалась по шву пальцами, легко касаясь кожи. На ее лице появилось точно такое же выражение, какое бывает у гончара, рассматривающего изготовленную им вазу, или как у портного, примеряющего на клиента новый плащ, – профессиональный интерес и не более. На лице же Бьярна сквозь суровую отрешенность проступило сразу несколько чувств – некоторая неловкость сменилась легкой улыбкой, которая разгладила его жесткие черты, а потом, когда Мара хмыкнула: «Отлично, не зря попробовала этот шов», погасла так же быстро, как появилась.

– Иногда думаю, что я для тебя подопытный лягух, – проворчал он.

Мара на это ничего не ответила, только пожала плечами, не понимая, на что обиделся ее напарник. Рана заживает, шов не стесняет движения – значит, все отлично, она со своей работой справилась.

К завтраку спустилась первой, не стала дожидаться, пока Бьярн соберет мешок. Как раз успеет сделать заказ. Хозяйки нигде не было видно, но скоро прибежала девочка-работница, вытирая руки о передник.

– Хозяйке нашей нездоровится сегодня, отравилась, видно, – сказала она, но тут же смутилась, понимая, что сболтнула лишнее. – Что вам?

Мара прекрасно понимала, что за нездоровье поразило хозяйку трактира. Это она человек подготовленный: каких только воскрешенных не повидала за время работы, а когда приходится два раза в течение одной недели своего мужа хоронить, тут кому угодно плохо станет. Мара невольно вспомнила, как женщина прижимала к груди руки и задавала нелепые вопросы: «Что он? Как он?» Да никак, труп – он и есть труп. Кольцо еще показывала, будто гордилась… Любила его, что ли? Вот глупость.

Для Бьярна Мара попросила принести яичницу с ветчиной, для себя – подсушенные хлебцы с молодым сыром, и для обоих – по бокалу некрепкого светлого пива. Стол выбрала у стены, подальше от выхода, села спиной к двери – это давало хотя бы видимость уединения. Но это же сослужило ей плохую службу. Мара расслабилась и потеряла бдительность.

Наверное, тот молодой мужчина не хотел ничего плохого, когда сел напротив.

– Не занято? – спросил он и улыбнулся.

Обычный парень из местных.

– Занято, – ответила Мара без тени улыбки.

– Да ладно тебе. Я просто поболтать. Никогда некромантов не видел так близко. Ты ведь из них, да? А на вид простая девчонка, только стриженая…

Он накрыл ее руку своей ладонью. Мара отшатнулась: казалось, будто она испугалась. Словно перед ней сидел не молодой мужчина, вполне дружелюбный на вид, а все тот же мертвяк-шатун. Но ее замешательство длилось всего пару секунд. Мара выдернула руку и схватила незадачливого посетителя за запястье.

– Никогда некромантов не видел, говоришь? – прошипела она. – Ну так смотри!

Парень застыл, глядя ей в лицо с неподдельным ужасом. Кожа на запястье, стиснутом ее пальцами, становилась ледяной и бледной, а парень серел на глазах. Будто сама жизнь покидала его.

– Полегче, девочка! – раздался над головой Мары голос Бьярна. – Ты его так раньше времени на тот свет отправишь. И нам за это, заметь, никто не заплатит.

Мара вздрогнула, будто только сейчас очнулась, и разжала хватку. Парень попытался встать, но ноги держали его плохо, так что Бьярну даже пришлось подхватить его под локти и отвести к соседнему столу. До Мары долетел обрывок фразы:

– Да, вот такая она… Терпеть не может нашего брата…

Вернулся, сел на место невезучего ухажера. Оба сделали вид, будто ничего не произошло. Служанка как раз принесла заказ, так что Бьярн и Мара без лишних слов принялись за еду. Они и в обычных обстоятельствах нечасто разговаривали, только если это нужно было для дела, но даже тогда ограничивали общение парой коротких фраз.

Но сегодня утром Бьярн выспался и сытно поел, свежий шрам, который беспокоил его несколько дней, больше не ныл, поэтому он не смог удержаться от ироничного замечания.

– Удивляюсь, как ты меня-то в напарники взяла, – он ухмыльнулся.

Мара ничего не ответила, только быстро взглянула исподлобья.

Ей вспомнился тот первый день, когда она, новоиспеченный некромант, только получивший значок гильдии, пришла в трактир «Волки на страже» нанимать

себе напарника. Таких, как она, новеньких было трое. Двое парней, окончивших Академию темных искусств, – в черных добротных мантиях, опоясанные кожаными ремнями, где в специальных отделениях лежало все необходимое для работы, в длинных тонких перчатках, закрывающих руки, ведь некроманты не должны касаться живых. Они вызывали доверие одним своим видом, хотя оба сдали всего лишь на третий разряд. И Мара – в тонком ситцевом платье, хотя на улице стояла ранняя весна и одежда была явно не по сезону, в старенькой шали, в башмаках на босу ногу. Она притулилась за столиком в углу и выложила перед собой знак гильдии – медный кругляш на витом шнурке, а на кругляше выбиты руны. Сущая безделушка на вид. Но все знали, что подделать знак гильдии нельзя: стоило чужаку взять его в руку, он обжигал, будто пролежал несколько часов на морозе. И чем дольше его держали, тем холоднее он становился.

Наемники, которые специально в этот день стекались в трактир, найти себе работодателя, мельком взглянув в сторону худенькой девушки, кривились и уходили в сторону настоящих, как им думалось, некромантов. А те уже устроили состязание между претендентами, заставляя мериться силой на руках.

– Вот шуты, – произнес спокойный, сильный голос у Мары за спиной.

Мара обернулась и увидела мужчину, который возвышался над ней, словно гора, головой он почти касался потолка. По крайней мере, так ей показалось. Огромный, черноволосый и чернобородый, в походной простой одежде, на груди защищенной кожаным панцирем. Увидев ее взгляд, он кивнул и присел на край скамьи.

– Я смотрю, ты напарника ищешь, птаха?

В его голосе не было угрозы, только добродушное любопытство. Видимо, он действительно нуждался в работе, как и Мара – в напарнике. Он имел полное право спросить, тем более Мара выложила на стол значок гильдии, что само по себе являлось приглашением к разговору, и все же она почувствовала, как заколотилось сердце и кровь отлила от лица.

Не нужен ей никто. Никто ей не нужен! Тем более этот страшный, огромный человек!

Но увы, кодекс обязывал найти подручного, иначе ее карьера некроманта закончится, не успев начаться. Мара облизнула пересохшие губы и кивнула.

– Морана, – представилась она. – И… Ты ведь понимаешь, что я могу одним прикосновением убивать?

Мужчина посмотрел на ее руки, не защищенные перчатками, и ухмыльнулся.

– Бьярн, – в свою очередь назвал он свое имя. – Не, не можешь, все это байки. Заберешь толику моей силы, но у меня ее столько, что на четверых таких птах хватит с лихвой.

– Мара, – сказала она. – Ты можешь называть меня так. Не птаха, не крошка, никак иначе. Понятно? Среди нас двоих – я главная. Это я тебе работу даю, а не наоборот.

Бьярн смотрел на нее, словно забавлялся: откуда в этой девчонке столько спеси. Мара и сама догадывалась, как смешно выглядит со стороны – как деревенская простушка в этом своем нелепом наряде. Но в то же время она знала, что сейчас – тот самый момент, когда сразу надо дать понять, кто здесь главный. Пусть она выглядит как чучело, но она некромант второго разряда, а значит, ей и командовать.

Бьярн коротко взглянул туда, где вокруг двух парней в черных мантиях претенденты уже чуть было на руках не ходили. Судя по его иронично изогнутой брови, присоединяться к этому балагану он был не намерен.

– Думаю, сработаемся, – кивнул он, давая понять, что принимает условия Мары.

Мара, осознав, что теперь она стала полноправным некромантом – со знаком гильдии и даже с настоящим подручным, – вдруг испытала головокружение. Она действительно сделала это. Еще вчера она ночевала на сеновале в деревушке – единственное место, где ее согласны были приютить без денег. Еще сегодня утром ей нечем было заплатить за завтрак, так что на экзамен в Академию она явилась с урчащим от голода животом. Еще четыре часа назад члены комиссии, разглядев очередного претендента на вступление в гильдию, переглянулись между собой – кто с изумлением, кто с брезгливостью. А вот три часа назад она уже сжимала в своих руках простой на вид кругляш, который на самом деле

станет первым шагом к безбедной жизни. И потом еще этот шепот вслед: «Удивительный самородок…»

– Я сейчас составлю список того, что надо купить, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал и не выдал ее бешеного волнения. Только вот денег у нее не было, и Мара все никак не могла придумать причину, по которой напарник должен совершить покупку за свои деньги.

– Тебе придется вложить свою долю в дело… – попробовала блефовать она, отчаянно надеясь, что Бьярн несведущ в правилах. – Потому что… Потому что…

– Потому что ты, птаха, сейчас на мели, – закончил за нее Бьярн, наклонившись к ее лицу так близко, что Мара увидела его серые, с темными точками глаза.

На секунду всего увидела, потому что в следующее мгновение она замахнулась, чтобы его ударить. Бьярн молча перехватил ее руку. Огромная лапища удерживала ее ладонь на удивление осторожно, но твердо.

– Извини, – пробормотала Мара.

Ничего себе, хорошенькое начало сотрудничества. Сейчас он просто встанет и уйдет. И правильно сделает. Но Бьярн вдруг расхохотался.

– Нравишься ты мне, девочка. Ладно, так и быть. Вложу свою долю.

С тех пор он и стал ее напарником – два года уже как. Бьярн был прав, они действительно сработались, как это ни странно. Потому что с Марой не так легко было сладить. Она умудрялась восстановить против себя любого, с кем едва успевала познакомиться. Мрачная, молчаливая, саркастичная и вспыльчивая. С людьми она любила общаться меньше, чем с воскрешенными ею трупами. Для них она порой и то находила парочку добрых слов, в отличие от живых клиентов. Но Бьярн, однако, умудрялся поддерживать со своей напарницей ровные отношения. Правда, Маре иногда казалось, что он больше изображает покорность, чем на самом деле ее чувствует. Потому что время от времени здоровяк Бьярн, который на самом деле мог бы одним движением переломить Мару пополам, как-то хитро усмехался в бороду. Да иногда, забывшись, называл Морану то птахой, то девочкой.

Глава 3

На Великий Тракт вышли ближе к полудню. Задержались из-за Мары: она решила пополнить запасы кладбищенской земли, отличного средства успокоения шатунов. Иногда они были слишком резвые – насосавшиеся энергии. Одной горсти земли хватало для того, чтобы замедлить самого шустрого мертвяка.

Не каждое кладбище для этого годилось, но Мара давно научилась различать годную землю. То ли молитвы Всеединому делали свое дело – на таких кладбищах всегда располагались молельни, то ли просоленная за годы земля – давно уже известно, что покойники редко восстают там, где могилы щедро посыпают солью и пеплом, то ли оба эти фактора вместе, а может, и еще что-то неведомое Маре. Одно было ясно – кладбищенская земля всегда должна быть под рукой у каждого уважающего себя некроманта.

Да и сам Великий Тракт был защищен именно этим простым, но действенным средством: по обе стороны от него были прорыты канавки, засыпанные такой землей, на которую к тому же были наложены заклятия. Правда, дожди и сточные воды частенько размывали их. Для того и существовали специальные бригады некромантов, которые должны были следить за порядком. Они разъезжали по Тракту, пересекающему всю Симарию с юга на север, от границы с Каладалом на юге до Чернолесья на севере.

Тракт не был полностью безопасным местом, но все же относительно надежным для тех путников, которые хотели совершить путешествие через Корни-Кэш, Соувер, Тарк и Фермаго – четыре больших города Симарии. Тракт пересекал их все.

Если же страннику необходимо было посетить маленький городок или селение, то… помогай ему Всеединый. Обычно на такие авантюры пускались купцы в надежде хорошенько подзаработать. Организовывали купеческий обоз, нанимали нескольких некромантов и отправлялись в опасный путь.

Угрозу представляли не только шатуны. В лесах обитала масса другой нечисти. Мара даже не знала названий всех смертельных тварей, с которыми могла

столкнуться, но предположительно должна была расправиться с любой из них. Предположительно. Потому что на практике ложная виверна, на территорию которой они случайно забрели, оставила на плече Бьярна тот самый шрам. И просто чудо, что первым делом она вцепилась в плечо, а не в голову.

Однако люди вполне приспособились к тому миру, в котором вынуждены были жить. К шатунам или тварям, бродящим в лесах, ведь посевную никто не отменял. Жизнь продолжалась и каждый раз оказывалась сильнее смерти. Люди женились, растили детей, строили дома и надеялись на лучшее. Они только привыкли не рисковать зря.

Маленькие городки Симарии были разобщены. В каждом царили свой порядок и свой уклад. Пользуясь тем, что Вседержитель далеко – аж в самом Корни-Кэше, – наместники устанавливали свои правила. Мара диву давалась, как причудлива бывает человеческая мысль. Она до сих пор с содроганием вспоминала деревеньку Зик, где в случае смерти мужа с ним вместе хоронили жену. И это в нынешнее время, в их просвещенном государстве!

Симария, конечно, небольшая страна, но зато в каждом крупном городе располагалось учебное заведение. Академия темных искусств, где готовили некромантов, находилась в Корни-Кэше. Когда-то давно, еще девочкой, Мара мечтала учиться в Соувере, в Академии медицины. Но жизнь сложилась так, что о мечте пришлось забыть.

К тому же медикусом она смогла бы стать только спустя много лет, а некромантом Мара являлась от рождения. Только один из нескольких тысяч детей появляется на свет с этим даром. Так что ей повезло, наверное…

Все эти мысли вертелись в голове у Мары, пока они шагали по Тракту в сторону Чернолесья. Позже, когда придется свернуть с дороги, Мара снова станет сосредоточенной и внимательной, а пока можно немного расслабиться.

С дороги сошли ближе к вечеру. До Скира рукой подать, если поторопятся, на ночевку остановятся позже, а выйдут с рассветом – к полудню дойдут. Идти было не тяжело: в сосновом лесу почти отсутствовал подлесок, стволы деревьев стояли далеко друг от друга. Их кудрявые вершины покачивались от ветра, скрипели, будто жаловались. Мара подняла повыше воротник куртки: ветер сегодня совсем ледяной, в нем чувствовалось дыхание приближающейся зимы.

Бьярн уверенно шагал впереди, Мара следом. Дорогу они оба знали – бывали в Скире уже несколько раз. Обычно там удавалось неплохо заработать: некроманты редко добирались в дальний городок, стоящий на границе с Чернолесьем. В последние годы умершие восставали все чаще, а всякая нечисть так и лезла к границе города.

– Если там денег не заработаем, – пробормотала Мара, обращаясь скорее к себе, чем к своему спутнику, – то можно в обоз наняться на остаток осени.

Голос ее звучал небрежно, словно ей было все равно, но на самом деле Мара волновалась, как к этому отнесется Бьярн. Напарник считал наемных некромантов посредственностями, которые не могут работать в одиночку. Но в нынешних обстоятельствах выбирать не приходилось.

– Посмотрим, – односложно ответил Бьярн и позже, когда Мара уже решила, что продолжения разговора не будет, добавил: – Говорят, в Скире выдалась сложная осень. Наши услуги понадобятся.

Для ночлега выбрали небольшой участок земли, огороженный с одной стороны упавшим стволом дерева. Остов сосны лежал здесь уже давно и весь был опутан молодыми побегами, словно живая изгородь.

Быстро, в четыре руки, развели костер. Воду принесли с собой: набрали, встретив небольшой родник по пути. Мара села, прислонившись к стволу, достала кинжал и принялась с невозмутимым видом полировать его обрывком ветоши.

– Сегодня твоя очередь готовить ужин, – заявила она, натолкнувшись на пристальный взгляд Бьярна.

– Моя? – то ли удивился, то ли возмутился он. – Если мне не изменяет память, она вот уже третий раз – моя.

Мара вздохнула.

– Хорошо, давай вместе.

Они начистили и накидали в котелок клубни земляной груши и кусочки вяленого мяса, большой шматок которого купили накануне в деревне. Бьярн по дороге нарвал побегов медвежьего лука и теперь добавил к похлебке. Мара с чувством выполненного долга вернулась на облюбованное место, а Бьярн остался рядом с костром, помешивая варево деревянной ложкой, и время от времени, обжигаясь и дуя, пробовал его на готовность.

– Знаешь, – сказал он спустя какое-то время, – в тех местах, откуда я родом, приготовление пищи посчитали бы занятием, недостойным мужчины.

Мара обвела кончиком кинжала, который до сих пор держала в руке, костер и готовящийся на нем ужин, и ответила:

– М-м-м? А ничего, что деньги на это все появились только благодаря моим умениям?

На самом деле подобные небольшие препирательства между ними происходили уже не в первый раз. Раньше Бьярн сильнее кипятился, а теперь уже почти свыкся и возмущался скорее по привычке, понимая, что Мару не переделать. Он даже самому себе не смог бы внятно объяснить, что его так сильно задевает. Вовсе не необходимость заниматься женским делом, в конце концов, наемники не брали с собой в походы женщин, обходились без них. Нет, не это… Скорее что-то неуловимое, что время от времени проскальзывало во взгляде Мары, когда она смотрела на него. Без тени улыбки, внимательно и будто изучая. Они провели рядом два года, а глаза ее словно говорили: «Ты, конечно, мой напарник, и я должна тебе доверять. И ты вроде еще меня ни разу не подвел, но, будь добр, не приближайся без крайней нужды!»

Один раз, еще в начале совместной работы, Бьярн, уязвленный этой подозрительностью, вспылил и сказал довольно грубо:

– Да что с тобой? Вот сейчас-то что случилось?

Они тогда в первый раз расположились на ночлег в лесу. Мара держалась на расстоянии и все бросала на Бьярна быстрые взгляды, думая, что он не видит.

– Жизнь со мной случилась! – крикнула Мара. – Просто жизнь!

Постепенно яростные всплески непонимания перешли в язвительные и колкие разговоры, которые на самом деле просто стали способом спустить пар. Вот как сейчас после долгого перехода.

После того как Мара парировала выпад Бьярна, наступил его черед. Эта игра велась по особым неизменным правилам, ведомым только им двоим. Обычно Бьярн действовал тоньше, но сейчас, видно, сказалась усталость. Или что-то в словах Мары действительно его укололо.

– Нормальная женщина должна домом заниматься. Детьми. Мужем. А не по лесам шастать и с мертвяками общаться, – угрюмо высказался он.

Мара прыснула. Ее давно было не пронять такими вещами, зато разговор принимал забавный оборот.

– Можешь быть спокоен, мне это не грозит!

– Я полностью спокоен. Кто бы еще тебя взял – худышку стриженую.

– Чур меня, чур! Слава Всеединому!

Бьярн бросил ложку в котел и поднялся во весь свой немаленький рост. Мара осталась сидеть, ни один мускул не дрогнул на ее лице, только рука непроизвольно покрепче перехватила рукоять кинжала. Пауза продлилась несколько секунд, а потом Бьярн так же молча опустился на место.

В тот вечер они больше не говорили. В тишине съели наваристую похлебку. Разыграли на монете, кому первому дежурить. Первому очередь выпала Бьярну, а Мара тут же завернулась в одеяло и уснула: в походе надо пользоваться каждой минутой отдыха.

Бьярн долго смотрел на костер, время от времени подкладывая сухие ветки, и качал головой в ответ на какие-то свои мысли. Мара завернулась в одеяло, как в кокон, только нос торчал наружу. Видно, замерзла, несмотря на жаркий огонь. Дождавшись, пока черты ее лица разгладятся, а дыхание выровняется, Бьярн поднялся и подошел ближе. Достал из мешка еще одно одеяло – свое – и укрыл ее сверху.

– Девчонка, – проворчал он. – Бестолочь бестолковая…

Глава 4

Маленькая белокурая девочка сидела на корточках у муравейника и изучала деловитых насекомых. Крошечный муравей тащил огромного жука. Жук сложил лапки и не шевелился.

– Ма-ам, а жук что, уснул?

Молодая женщина, которая поблизости развешивала белье, мельком глянула туда, куда указывала ее дочь.

– Хм… Хм… Нет, маленькая. Жук, он умер…

– Умер, – грустно повторила следом за ней девочка. – Я помню, да… Не шевелится, не кушает.

– Ага, правильно! – мама уже отвлеклась, пытаясь сложить мокрый пододеяльник.

– Живи, жук! Живи! – услышала она нежный голос своей дочурки и сокрушенно покачала головой: мертвым лучше оставаться мертвыми, и без того в этом мире неприятностей хватает.

Позади раздался сухой треск, похожий на звук электрического разряда, а следом – счастливый детский смех.

– Он живой, мама! Только чудной какой-то. На месте крутится!

Молодая женщина замерла, боясь обернуться. Потому что если это действительно так и мертвый, мертвее мертвого, жук ожил, то это значит… ее дочь – прирожденная некромантка.

Она не желала бы для девочки такой судьбы. Тяжелая, выматывающая работа. И хотя приносит деньги, иногда неплохие, но взамен забирает все душевные силы. Бессонные ночи, опасность и никакой семьи. Поэтому, наверное, девушки так редко шли в Академию темных искусств. К тому же некромантов хоть и уважали, но вместе с тем опасались, а в некоторых отдаленных деревушках откровенно ненавидели, считая их едва ли не главными виновниками появления шатунов.

В маленькой деревушке, где родилась девочка, своих некромантов не было. Для того чтобы пригласить специалиста, надо было добраться в соседний городок Фрелей. К счастью, и родная деревенька, и Фрелей находились совсем неподалеку от столицы Симарии – Корни-Кэша. Места здесь были по большей части спокойные, вычищенные от всяких тварей. Спонтанные воскрешения тоже старались держать под контролем, шатунов быстро успокаивали – некроманты Вседержителя недаром ели свой хлеб. А довольствие у них, надо сказать, было немаленькое. Вот только стать одним из них было очень сложно, почти нереально. Те, кто попал на службу к Вседержителю, держались за свои места.

– Может быть, я когда-нибудь стану одной из вас! – сообщила десятилетняя пигалица пожилому некроманту, который остановился в деревеньке по дороге в столицу.

Пожилой дядька, затянутый в черное, строгий и суровый на вид, при взгляде на белокурую девочку невольно улыбнулся.

– Мало быть прирожденным некромантом, луковка. Надо набраться опыта и сдать сложный экзамен. А ты, невеличка, не знаешь пока даже элементарных вещей.

Девочка надулась, сложив руки на груди. Разговор происходил на площади, где некромант отдыхал, ожидая, не понадобятся ли его услуги. Один день он вполне мог посвятить нуждам простых людей.

– Не мешай господину, – уже в десятый раз повторила мать, пытаясь утянуть непослушную девчушку за руку, но та уперлась крепко.

Некромант отвлекся было на тетку: «Нет, нет, скотину не оживляю. Что делать? Предлагаю сделать жаркое. И меня позвать, да», но потом и сам обернулся к приставучей малявке и подозвал ее движением руки.

– Оживляла уже? – спросил он.

– Ага…

– Кого?

– Птичку… Она в наше окно билась. Упала мертвая. А я – раз – и оживила! И она потом не стала глупой, как другие… Понимаете, да? Она стала такой же, как была. По-настоящему живая!

– Да, – подтвердил мужчина. – Так бывает. Редко, но бывает. Если погибший недолго мертв, его на самом деле можно оживить. Но как узнать, действительно ли он умер?

– Как? – заинтересованно прошептала девочка и затаила дыхание.

Некромант усмехнулся, польщенный ее неподдельным интересом. И даже мать замерла, не мешая дочери.

– Это первое и главное правило. Надо спросить его имя. Если ответит – значит, душа еще не покинула тело. Вот так просто – только имя, и все.

– А если не назовет?

Мужчина помолчал, раздумывая, стоит ли отвечать и как ответить: все-таки ребенок перед ним, но юлить не стал.

– Это значит, ты оживила мертвое тело. Можно спрашивать что-то простое. Оно расскажет, скорее всего. Но это уже будет не человек. А потом обязательно упокоить! Это второе главное правило.

– Умри! – крикнула девочка, которая, кажется, нимало не расстроилась. – Да, я знаю! Я так старенькую Руту упокоила, которая умерла, а на следующий день пошла. А мне потом дядя Вал дал за это конфет и булочек.

Некромант вдруг помрачнел и поднял глаза на молодую женщину, которая отступила под его тяжелым взглядом.

– Деятельность некроманта без значка гильдии сурово карается законом!

Но потом смягчился.

– Ладно, я ничего не слышал. А ты, луковка, когда подрастешь, приходи в Академию темных искусств.

– Я еще точно не решила… Может быть, я медикусом стану. Мне оживлять и лечить гораздо больше нравится!

У маленькой белокурой девочки была простая, светлая жизнь. Правильная и хорошая. Папа много работал, но когда был дома, всегда старался поговорить с дочерью, никогда не был угрюмым или злым. Усталым иногда, и все же девочка беспрестанно чувствовала его заботу. А мамочка была просто чудо: добрая, мягкая и очень ласковая. Она всегда была рядом, обнимала, и целовала, и говорила ей: «Мое солнышко. Моя красавица. Моя умница». А еще девочка помнила, что солнце по утрам заливало комнату, в которой она спала, а ветер шевелил занавески, будто играя. Да, кстати, тогда у нее было другое имя…

А потом случилась беда. Она пришла в деревню вместе с угрюмым человеком, кутавшимся в теплый серый плащ, хотя на дворе уже стояло настоящее лето. Странника бил озноб, да к тому же он был бледен, как сама смерть. «Просто приболел, – объяснял он. – Протянуло на ветру!» Конечно, он и словом не обмолвился о том, что идет по лесу вот уже три дня из деревушки, что осталась по другую сторону Корни-Кэша. Умолчал и о том, что, когда покидал деревню, в ней оставалось в живых всего несколько человек, и у тех счет шел на часы. Сам-то он думал, что избежал печальной участи, но чем дальше отходил от дома, тем яснее становилось: нет, не избежал. Он тоже подхватил эту заразу и теперь принес ее с собой туда, где его приняли как желанного гостя. Нет, путник вовсе не простыл, а заболел смертельной хворью – бледной лихорадкой, иссушающей человека за несколько дней. Он никого не предупредил, потому что не хотел умереть как собака где-то под кустом. Он всего лишь был слабым человеком.

Лихорадка распространилась, как пожар. Уже спустя день не осталось ни одного дома, который болезнь обошла бы стороной. А через три дня болели все.

Как умер отец, девочка не видела. Просто однажды утром он, шатаясь, ушел в кузницу, а домой уже не вернулся. А вот мама угасала у нее на глазах, и это было так жутко и неправильно. Разве такое может быть на самом деле, что мама больше не сможет ходить, улыбаться, называть ее солнышком. И когда дыхание женщины вдруг замерло на вдохе, девочка вцепилась ей в руку, призывая на помощь все свои, еще невеликие, силы.

– Живи, мама. Живи!

Молодая женщина открыла глаза.

– Как твое имя? – закричала девочка: разговор с пожилым некромантом не прошел даром.

– Элана, – прошептала та, облизнув потрескавшиеся, сухие губы.

Будь девочка чуть старше, она бы поняла, что все бесполезно. Вот так оживлять – только причинять лишние страдания. Вылечить от бледной лихорадки невозможно. Но она просто не могла отпустить маму, снова и снова кричала: «Живи!» Она и сама уже измучилась так, что едва не падала в обморок. Но вот Элана сжала ее пальцы в своей горячей ладони.

– Солнышко мое, не надо больше… Остановись… Дай мне уйти… И сама уходи из деревни. Здесь больше нельзя оставаться. Иди, моя девочка. Я люблю тебя…

И когда ее дыхание затихло в последний раз, девочка заставила себя отвернуться и бросилась прочь. В лес, не разбирая дороги. Ее дом оставался позади. Она еще не знала, что покидает его навсегда, – к вечеру здесь появятся отряды Вседержителя и подпалят деревню с четырех концов, чтобы остановить распространение болезни. Если бы они узнали, что кто-то покинул зараженное место, то прочесали бы лес, нашли бы и уничтожили беглеца. К счастью, девочка ушла незамеченной и совершенно здоровой. Видно, та самая сила, что давала ей власть над мертвыми, сумела как-то защитить ее от смертельной болезни.

Погода стояла жаркая и сухая, так что маленькая беглянка не торопилась выходить к человеческому жилью. Ночевала в лесу, соорудив из веток и травы лежанку, ела ягоды и съедобные корешки – много ли надо худенькой девчушке.

И все же к концу месяца девочка больше напоминала тень, чем ребенка из плоти и крови: платье истрепалось, волосы – от природы светлые и шелковистые – повисли сейчас серыми свалявшимися прядями. Хотя девочка всегда была опрятной и старалась, как могла, приводить себя в порядок: умывалась, встретив ручеек, пыталась разбирать волосы пальцами – это мало помогало.

Она знала, что однажды солнце уже не будет таким жарким и ясным, зарядят дожди, и надо будет прийти в какую-нибудь деревню. Но тогда ее обязательно спросят: кто ты такая и что с тобой случилось? А маленькая беглянка боялась признаться даже самой себе в глупой надежде, которая вопреки всему продолжала жить в глубине души. Вдруг, если она подольше пробудет в лесу, а потом вернется домой, то окажется, что не случилось никакой беды, а мама и папа живы и ждут ее. Пусть поругают за то, что она так долго не приходила, пусть. Она даже не заплачет… Ей думалось, что, пока она никому не рассказала о том, что произошло, этого словно и не было. И все еще можно изменить…

Все закончилось раньше, чем она предполагала. Даже осени не пришлось ждать. Однажды, пробираясь по узенькой лесной тропинке, глядя под ноги и не глядя по сторонам, девочка только в последний момент заметила ноги, обутые в кожаные сандалии.

Она подняла взгляд. Выше ног обнаружилась длинная серая рубаха, опоясанная пеньковой веревкой, а еще выше – лицо. Напротив стоял мужчина, по виду даже старше, чем тот пожилой некромант, который однажды не пожалел совета для любопытной девчушки. Этот был совсем старик – на голове седые волосы, как пух, реденькая седая борода, загнутый хищный нос и узкие губы. Он, прищурившись, разглядывал незнакомку.

– Чья ты? – спросил он, и внезапно обнаружилось, что голос у него уверенный и властный, вовсе не то старческое дребезжание, которое ожидала услышать девочка. – Где твои родители?

Девочка пожала плечами и уставилась в землю.

– Ты одна здесь?

Она едва заметно кивнула, думая над тем, не стоит ли сбежать, но ноги отчего-то не двигались с места. А потом старик подошел и взял ее за руку, и бежать

было уже поздно.

– Пойдем со мной, – сказал он.

И повел следом за собой в глубину леса.

Глава 5

Мара вскинулась и проснулась, растерянно оглядываясь по сторонам. Она не сразу поняла, где находится, а когда поняла, то разозлилась. Уже рассвело, солнце поднялось над горизонтом, чаща наполнилась птичьим щебетом и свистом. Костер прогорел. Бьярн должен был разбудить ее, чтобы передать дежурство, но не сделал этого!

А вот и он сам. Сидит у тлеющих углей, поглядывает на верхушки деревьев и щурится от солнца. Мара вскочила на ноги.

– Никогда так больше не делай! – крикнула она. – Мне нужен отдохнувший напарник, а не тот, кто будет еле ноги волочить от усталости! Мы с тобой на работе, а не на прогулке!

– Здесь идти осталось несколько часов. Высплюсь на постоялом дворе, – ответил тот вполне миролюбиво, поставив руку козырьком и разглядывая гневное лицо Мары. – Все под контролем.

– Под контролем? – взвилась Мара, сама не понимая, из-за чего так злится. – Под контролем? Не надо мне этих одолжений, будь добр. Я что, по-твоему, девица в опасности, с которой следует пылинки сдувать? Или ты ставишь под сомнение мой профессионализм?

– Я понял тебя, – оборвал он ее на полуслове.

Мара открыла было рот, чтобы еще что-нибудь добавить, но это его «я понял» мгновенно обезоружило и лишило ее всех козырей.

– Я рада, – проворчала она под нос, начиная складывать одеяло.

До Скира действительно добрались к полудню, как и задумывали. На этот раз обошлось без приключений, хотя Мара с преувеличенным вниманием приглядывалась ко всем кустам, которые Бьярн обходил, не повернув головы. По его уверенной походке никак нельзя было сказать, что он не спал всю ночь.

Наконец вышли к дороге. Это был не Великий Тракт – здесь он не проходит, но, вне всяких сомнений, этот путь тоже проложили люди. Еще полчаса, и выйдут к южным воротам. Скир, как и всякий маленький городок, был окружен стеной из стесанных, заостренных сверху бревен. Невесть какая защита, но хоть какая-то.

Уже у самых ворот Бьярн притормозил и обернулся к Маре.

– Знаю, тебе не слишком по душе Скир, – начал он, и Мара скривилась.

Они не первый раз бывали здесь, но каждое посещение начиналось с такого вот предисловия. Потому что в первый… Но Мара вспоминать это не любила.

– А ты сам-то не из этих мест, часом? – съязвила она. – После нашей беседы вчера не удивлюсь!

– Нет, – ответил тот односложно. Видно, и ему было неприятно вспоминать о вчерашнем вечере. – Морана, здесь живут жесткие люди. Они вынуждены приспособиться к суровому климату и той жизни, что у них есть. То, что ты принимаешь за неуважение к женщинам, всего лишь стремление их защитить!

– Ага, – скептически подтвердила Мара. – Тычки, подзатылки и окрики, а также желание принизить умственные способности именно из стремления защитить и исходят. Как я сразу не поняла!

– Мара! Мы должны принимать законы тех мест, куда приходим работать. На всякий случай предупреждаю, я больше не намерен втыкать меч во всякого, кто просто попытается напомнить тебе о твоем месте.

– Место женщины у ног своего господина, – процедила Мара сквозь сжатые губы. – О да. Я помню!

– Если им хочется думать, что из нас двоих я главный, а ты должна меня слушаться, то просто позволь им это. Переубедить ты все равно никого не сможешь. Мара…

Он, исчерпав все запасы красноречия, тихо опустил руку на ее плечо, словно этот жест мог убедить сильнее, чем все слова.

– Руки! – крикнула Мара. – Убери!

Она тяжело вздохнула, а потом, пересиливая себя, произнесла:

– Ладно. Хорошо. Пока мы здесь, станем играть по их правилам.

Парень, стоящий на воротах, их даже признал, хотя они не бывали здесь с прошлой осени.

– Господин Бьярн, как я рад вас видеть! Как хорошо, что вы некромантку свою привели! Нам она как раз во как нужна!

– Некромантка не моя. Мы вместе работаем, – сказал Бьярн. – А что случилось?

Мара только кисло улыбнулась – задавать вопросы раньше своего господина здесь не позволялось, как и вообще разговаривать без позволения мужчины.

– Так… Это… Идите прямо на площадь, там как раз все собрались и решают, что делать. Наместник вам все и расскажет.

На маленькой площади, втиснутой между зданием ратуши и рыночными рядами, действительно собрались люди. Еще издалека Мара разглядела наместника и его помощника, те обсуждали что-то, яростно жестикулируя. Судя по гулу голосов, разговор никого не оставил равнодушным, но с такого расстояния ничего невозможно было разобрать.

– Приветствую, господин Грир, – поздоровался Бьярн еще на подходе.

Его гулкий голос был слышен издалека, и наместник вгляделся в гостя. Маре показалось, что на его лице мелькнуло растерянное выражение, но

неудивительно – ведь он никак не ожидал их увидеть. Но вот он замахал руками, приглашая. Кажется, парнишка на воротах не обманул – здесь действительно нужны были их услуги.

Мара силилась увидеть что-то, скрытое спинами людей. Они окружали телегу, на которой что-то лежало. Но что?

Худощавый и жилистый господин Грир порывисто пожал руку Бьярну, помощник, неприметный блондин, чье имя Мара все время забывала, тоже протянул свою сухую ладонь. На Мару они едва обратили внимание, но все же кивнули, давая понять, что заметили ее.

– Вы вовремя, – сразу перешел к делу наместник. – Хотя, пожалуй, тут и так все ясно… Не стоит, наверное, парнишку тревожить.

Он протянул руку в сторону телеги, толпа расступилась, и Мара увидела тело, лежащее поверх соломы. Тонкие руки и ноги, всклокоченные черные волосы, одежда, покрытая пылью, разорвана в клочья, а сквозь прорехи просвечивают глубокие алые царапины. Это был мальчик лет восьми.

Ребенок… Ну почему, проклятие, это должен быть ребенок?!

Мара заставила себя подойти ближе. И лишь секунду спустя, как сквозь слой ваты, услышала голос помощника.

– …Постучал в ворота рано утром и крикнул: в Анхельме все мертвы! А после упал замертво. Я знаю парнишку – это Эрл, сын Тарена. Они с семьей и еще с несколькими семьями проживают в Анхельме, селении в лесу. Это даже скорее хутор. Я всегда говорил, что это до добра не доведет. Нельзя быть такими самонадеянными. Что могут противопоставить десяток человек опасностям, подстерегающим в лесу? Хотя добыча вестяника, несомненно, вещь выгодная…

Он заметил, что Мара и Бьярн смотрят на него с непониманием и попытался объяснить:

– Вестяник – это мох, который только в Чернолесье растет. Из него лечебные настои делают. Вроде живисила, того, что раны быстро затягивает. Слыхали?

Вот они его собирали и сбывали. На то и жили… Видно, не живут уже… Еще в прошлом году они с трудом от стада шатунов отбились. В этом, видать, не смогли.

Но люди, прислушивающиеся к разговору, были не согласны с наместником.

– Так-то оно так. Тревожить тело не хочется, но это единственный способ наверняка узнать, что же там произошло, – вступил в разговор один из мужчин, а другие закивали, соглашаясь с его словами. – Может, стоит подмогу отправить. Пособите?

Это он уже к Маре обратился.

– Сколько эта услуга стоит?

«Не надо денег», – хотела было сказать Мара, но не успела открыть рот, как услышала уверенный голос Бьярна:

– Двадцать пять монет. Наша обычная ставка.

Да, все верно. Не время играть в благородство – они действительно сейчас на мели. К тому же, оказывая дорогостоящую услугу бесплатно, можно прослыть дилетантом, а Мара никак не могла себе это позволить.

– Да-да, отлично, – наместник кивнул и тут же махнул рукой, указывая на беднягу Эрла.

Мара тряхнула головой, заставляя себя двигаться. «Это работа. Это моя работа!» Такой маленький парнишка, такой израненный… Что же с тобой приключилось? Со всеми вами…

Она провела рукой по его лбу, поправляя волосы. Тут немного силы потребуется, чтобы воскресить. Самое тяжелое – задать первый вопрос и не услышать ответа.

С пальцев Мары сорвалась синяя молния, заставляя вздрогнуть худенькое тело. Мальчик открыл глаза.

– Твое имя? – четко произнесла Мара, отринув сомнения. В конце концов, профессионал она или кто?

– Эрл, – прошептал мальчик.

– Что? – Мара тут же растеряла всю свою решительность, глаза ее распахнулись.

– Эрл…

Ее замешательство длилось всего секунду, потому что в следующее мгновение она уже вытряхивала из мешка его содержимое в поисках настойки кровяника и живоцвета. Руки ее дрожали, но только совсем чуть-чуть.

– Что происходит?

Наместник с недоумением наблюдал за суетой.

– Его надо доставить на постоялый двор. Мне нужны чистые простыни. Кипяток. Стол. Да, стол тоже облить кипятком. – Мара говорила отрывисто, по капле вливая в бледные губы мальчика алый настой кровяника.

– Что?..

– Он жив! И останется жив, если мы ему поможем!

– А как же… Жив? Как жив? И сможет на вопросы ответить?

– Позже! Когда придет в себя.

Глава 6

Каждый некромант немного медикус. Совсем чуть-чуть – заштопать раны, смешать в правильной пропорции снадобья от разных хворей, лубки наложить на сломанные кости. Но то, что делала Мара, склонившись над распластанным

на столе худеньким телом, по достоинству оценил бы даже медикус со значком гильдии.

С теми инструментами, что были в ее распоряжении, сотворенное ею можно было приравнять к чуду. Мальчишка, обездвиженный, одурманенный безличником, не чувствовал боли. Правда, настойка безличника приводила к сбою дыхания, но тут уже Мара была начеку.

– Нет уж, ты не умрешь сегодня, парень, – шептала она под нос, и очередная электрическая вспышка возвращала жизнь мальчишке. – Не со мной. Не сейчас.

Наконец Эрл, забинтованный с ног до головы в лоскуты ткани, задышал ровно и спокойно. Опасность миновала. Мара, стоящая над ним, только сейчас расслабила плечи и тут же пошатнулась от усталости, едва удержалась на ногах. Бьярн, который все это время, довольно неуклюже, но старательно помогал чем мог, подхватил ее за талию.

– Все нормально, – сказала Мара, отцепляя его руки. – Все. Я уже пришла в себя.

Она подняла голову, выискивая наместника, и вгляделась в лица людей, столпившихся в углу зала. Заметила, с каким благоговейным ужасом смотрят на нее невольные свидетели спасения мальчика, и горько усмехнулась. Все как обычно: некроманты внушают только ужас и неприятие. Взгляды всегда говорили яснее слов: «Мы готовы тебе платить. Но, ради Всеединого, держись-ка от нас подальше!»

– Эрл будет жить, – сказала Мара, стараясь, чтобы голос оставался ровным. – Но на вопросы ответит не раньше завтрашнего утра. Он остается здесь под нашим присмотром.

Наместник сумел выдавить из себя что-то вроде благодарности. Наверное, это необходимость оплатить кроме оговоренных двадцати пяти монет еще и проживание всех троих на постоялом дворе сделала его таким сумрачным.

– Отлично справились, я смотрю… Что ж… Отдыхайте, набирайтесь сил, – обращался он, однако, исключительно к Бьярну, словно Мара была бесплатным приложением к нему.

Он слишком долго прожил в Скире, и неписаные законы отношения к женщине стали частью и его взгляда на мир. Хотя сам себя он считал образованным и современным человеком. Еще бы, ведь образование получил не где-нибудь, а в самом Тарке – в Академии управления и финансов.

По настоянию наместника хозяин постоялого двора «Три топора» выделил гостям самую просторную комнату. Бьярн осторожно перенес Эрла наверх и закрыл дверь прямо перед носом любопытных служанок, которые так и норовили посмотреть, правда ли мальчик дышит, или это все некромантские штучки и бедняга Эрл теперь превратился в шатуна.

Мара без сил повалилась на соседнюю кровать, чувствуя, что проваливается в сон: она потратила всю энергию и даже немного сверх того.

– Следи за ним, – распорядилась она, чувствуя, как слипаются веки. – Буди, если что.

Проснулась сама, когда свет, падающий в окна, стал рассеянным и мягким – видно, уже наступил вечер. Одним рывком села на кровати, но тут же улыбнулась, увидев мирную картину: Эрл спал, дыхание было сильным и спокойным, а щеки уже утратили мертвенную бледность и слегка порозовели. Рядом на полу в ногах кровати сидел Бьярн. Встретив взгляд Мары, он кивнул, давая понять, что все в порядке.

Мара успела мимолетно подумать о том, что Бьярн сам еще не прилег со вчерашнего дня. Ничего, день почти закончился. До завтрашнего утра они все как следует выспятся и отдохнут.

– Тебе надо поесть, – сказал Бьярн.

Он старался говорить тихо, и оттого его могучий голос звучал словно эхо, запертое в узком колодце. Мара снова улыбнулась. Она была вымотана до крайности, и все же отчего-то на душе было легко и светло. Бьярн, которого она не баловала улыбками, невольно улыбнулся в ответ.

– Ах ты птаха… – сказал он внезапно охрипшим голосом.

Лучше бы не говорил. Мара мгновенно изменилась в лице, словно услышала не ласковое обращение, а грубость и колкость, но тут же постаралась взять себя в руки.

– Я позову служанку, чтобы присмотрела за мальчиком, пока мы ужинаем.

Работница сначала с опаской отнеслась к просьбе, но потом присмотрелась к мерно вздымающейся груди Эрла, к румянцу на его щеках и вздохнула с видимым облегчением.

– Он хороший мальчик, – сказала она. – Я и родителей его знала. Они всегда у нас останавливались, когда в Скир приезжали. Идите, я присмотрю.

В это время суток обеденный зал постоялого двора уже на треть был заполнен людьми. Мара огляделась и покачала головой: конечно, все здесь были мужчинами. Женщинам в такие места приходить не дозволялось. Разве что в качестве подавальщиц.

Осенние вечера в этой части Симарии были ветреными и промозглыми, несмотря на то, что днем еще пригревало солнце. В углу зала горел камин, и Мара прошла прямо к нему: ее немного знобило, силы еще не полностью вернулись. Столики, стоящие полукругом вокруг очага, оказались заняты, но, к удаче Мары, крайний как раз освободился: двое мужчин поднялись со своих мест, встали у камина, подняли руки над головой и хлопнули, привлекая внимание. На обоих были одеты желтые рубахи и красные башмаки. Мара вспомнила, что так наряжаются бродячие артисты. И эти были наняты на один вечер хозяином постоялого двора на потеху публике.

Маре было не до веселья, потому к шуткам она не прислушивалась, но, видно, что-то невероятно забавное говорили, потому что посетители хохотали так, что казалось, дрожат даже стекла. Бьярн как-то странно на нее поглядывал и не смеялся. А Мара была занята едой – с удовольствием разделалась с прожаренным куском мяса, овощами, приготовленными на гриле, и теперь запивала сытный ужин горьковатым пивом.

Наверное, все бы обошлось в тот вечер, если бы одному из выступающих не вздумалось обратиться прямо к ней.

– Я вижу, что за одним из столов присутствует прекрасная дама! – крикнул он, и взгляды всех присутствующих обратились к Маре, так что она едва не подавилась пивом. – А вы знаете, какие бывают виды женщин? Нет? Они делятся на дам, «недам» и «дам, но не вам»!

Публика грохнула. Мара сжала ручку кружки. Посмотрела на Бьярна. Промолчала. Балагур тем временем не унимался:

– Я, правда, решил сначала, что это парень. Волос-то почти нет. Но у каждой дамы – или недамы – свои маленькие слабости! А-а, я, кажется, понял! Говорят, волос длинный – ум короткий. И наша гостья, очевидно, таким образом решила раздобыть себе немножко мозгов!

Тут уже не выдержал Бьярн, поднялся и, словно случайно, коснулся рукояти меча, с которым он не расставался даже за ужином.

– Ого, – раздался чей-то жизнерадостный голос, – это же тот парень, что прошлой весной пырнул старину Ала. Кажись, из-за той самой девки.

Мара поднялась следом за Бьярном.

– Пойдем отсюда, – сказала она.

Но далеко им уйти не удалось, потому что какой-то верзила перегородил дорогу. И тут же поднял руки, показывая, что безоружен.

– Так значит, в деле она хороша? – спросил он, кивком указывая на Мару. – Я никогда не доверял некромантам, коли они бабы. Но смотрю, строптивости у нее на десяток женок хватит. А давайте на спор! Если она с делом справится, то я лично извинения принесу. И даже на колени встану.

Он ухмыльнулся, словно заранее был уверен в победе.

– Мы на спор не работаем, – ответил Бьярн.

– А за деньги? – Мужчина потряс шапкой, которую все это время сжимал в руке. – Сейчас по кругу пустим, все скинемся.

Напарники переглянулись. За долгие месяцы совместной работы они научились понимать друг друга без слов. Бьярн качнул головой: «Не стоит. Какая-то засада». Мару разрывало от противоречий. Ужасно хотелось доказать этой скотине, что она чего-то да стоит. И деньги опять же… Но в то же время ей, некроманту второго разряда, попасться «на слабо» как-то непрофессионально. И Эрл наверху. Нельзя надолго оставлять его без присмотра.

Верзила увидел ее колебания и оглянулся, призывая всех в свидетели своей победы. Ощерился в улыбке.

– Девка – она и есть девка. Трусиха. Носит медную бляшку и думает, что ее только за это будут уважать. А делов-то там на час от силы. Подумаешь, нехороший дом проверить…

– Какой дом? – не выдержала Мара.

Час. Час – это немного. Эрл спит, ничего с ним за это время не случится. Надо доказать этим болванам… Он еще встанет перед ней на колени, чтобы прощения попросить.

Бьярн только брови нахмурил, но при всех ничего не стал говорить. Шапку между тем пустили по столам, и Мара видела, что разгоряченные напитками посетители кидают не только медные монеты, но изредка серебряные. Им бы заработок не помешал – до зимних холодов месяца два, а то и полтора. И Мара согласно кивнула.

Дом, который им предстояло проверить, принадлежал тому самому верзиле, который всю кашу заварил. Возможно, он с самого начала планировал нанять Мару, но, понимая, что тогда в любом случае придется платить, разыграл целый спектакль. Если Мара и Бьярн не принесут никаких доказательств тому, что происходит в доме, то и денег не получат.

Сам наниматель, который назвался Горгом, в доме уже давно не жил. По его словам, эта развалюха досталась ему после смерти бабушки, и он планировал пускать туда жильцов, но даже те, кто вносил задаток за седмицу, на следующий день бежали прочь. Объясняли все по-разному. То шорохи и стуки спать не давали. То тревожно и жутко в доме, так что спать невозможно. А кто-

то жаловался после единственной ночи, проведенной под крышей дома, на полное изнеможение. С тех пор уже несколько месяцев дом пустует, разрушается потихоньку. Сам Горг пару раз решился заглянуть в него при свете дня – ничего страшного не обнаружил и изнеможения не почувствовал. Так что лично ему кажется, что все это происки конкурентов. Но люди, твари неблагодарные, пожаловались наместнику, и тот повелел все окна и выходы заколотить досками до того момента, как в город придет некромант и наведет порядок. Кто знает, что за зараза там водится, не перекинется ли на другие дома.

– Бабушку похоронили? – прямо спросила Мара.

– Само собой. Честь по чести. Поэтому если в доме кто-то шалит, то ты должна принести мне его голову на блюдечке.

Горг сжал немаленькие кулачищи.

– Даже если это соседские мальчишки!

Дом располагался в самом конце глухого переулка. Здесь вообще стояли старые и большей частью пустующие дома. В таком месте Мара точно не захотела бы снимать жилье, так что постояльцы, возможно, всего лишь выдумывали предлог для того, чтобы сбежать. Что ж, если так, то это станет самым простым делом в ее жизни.

Горг и парочка его приятелей проводили Мару и Бьярна до дверей особнячка – десять минут ходьбы от постоялого двора. Окна и двери действительно были заколочены, краска, некогда зеленая, облупилась и слезала с деревянных стен грязными лоскутами.

Горг, захвативший с собой гвоздодер, рванул на себя одну из досок, перекрывавшую вход, и та внезапно рассыпалась в его руках трухой.

– Жучок, что ли, какой… – пробормотал хозяин, кроша дерево в пальцах.

Наконец дверь распахнулась, и в лицо Мары ударил затхлый запах пыли и старости. На дворе был еще ранний вечер, но из-за того, что окна были закрыты

ставнями и забиты, в доме царила темнота.

Горг передал гвоздодер Бьярну с предложением открыть пару окон, если ему понадобится, а то «кто знает, может, девка твоя в темноте видеть умеет». На том и ретировался, сообщив напоследок, что дождется их в «Трех топорах».

Мара перешагнула порог, прислушиваясь к ощущениям, пытаясь поймать темную или светлую энергию. Дом молчал. Он был тих, пуст и мертв. Бьярн, не мешая ей сосредоточиваться, прошел мимо и вскрыл пару окон, заколоченных изнутри. В комнату хлынул свет, который, пробившись сквозь потрескавшееся грязное стекло, словно и сам становился серым и грязным.

Дом как дом. Видно, после смерти хозяйки Горг вынес все, что можно было продать, оставив минимум необходимых вещей. У старенького камина стояло продавленное кресло, на полу лежал коврик, на стенах, на потемневших обоях кое-где виднелись светлые квадраты – видно, раньше здесь висели картины.

Бьярн и Мара, двигаясь медленно и прислушиваясь к каждому шороху, шаг за шагом обошли весь дом – зал внизу, кухонька, маленькая спальня, две спальни наверху, чердак, заставленный сундуками, где хранились какие-то слежавшиеся старые тряпки. Особенно пристально осмотрели подвал. Бабушка Горга, вероятно, была женщиной рачительной и любила делать запасы на зиму: на полках до сих пор стояли банки с соленьями, в полутьме с трудом можно было разглядеть плавающие в рассоле маленькие помидоры и даже целые капустные головы. Здесь стоял кислый, нехороший запах. Интересно, сколько уже лет здесь стоят эти соленья? Наверное, давно испортились, а отнести все это хозяйство на свалку у Горга руки не дошли.

– Чувствуешь что-нибудь? – спросил Бьярн.

Мара еще раз прислушалась к ощущениям и отрицательно качнула головой.

– Не знаю… Нет. Атмосфера здесь угнетающая, конечно, но…

– Вернемся?

Первым ее порывом было сказать: «Да!» Вернуться, посмеяться на Горгом, сказать, что в доме нет ничего страшнее протухших помидоров, получить свои деньги и отправиться отдыхать. Но вместо этого Мара ответила:

– Подожди. Давай побудем здесь еще немного.

Глава 7

Они поднялись наверх. Бьярн тяжело опустился в кресло у камина, Мара присела на краешек стула. Поток света, проникающий в окна, постепенно иссякал, словно кто-то снаружи прикрутил фитиль лампы. Вечерело. Если верить рассказам постояльцев, все неприятности в этом доме происходили именно по ночам. Ждать темноты оставалось недолго, и раз уж они взялись за это дело, то надо довести его до конца.

Мара только переживала за Эрла, но, имея уже опыт спасения людей, точно знала, что мальчик вне опасности. Он не проснется до самого утра, а утром будет достаточно бодр для того, чтобы попросить завтрак.

Когда сумерки заполнили зал, Бьярн, до этого сидевший неподвижно, достал из мешка пузырь из тончайшей кожи, наполненный серой крошкой, и сжал его в ладони. Каждая песчинка внутри пузыря тут же зажглась зеленоватым мерцающим огнем, так что сам пузырь превратился в светильник, озаряющий стены комнаты мертвенным светом.

– Ох, не люблю я эти «русалочьи огни», – вслух выразила Мара то, что, судя по выражению лица напарника, тот подумал, но не сказал. – И так жутко…

Но по-настоящему жутко, хоть Мара не призналась бы в этом даже себе самой, ей стало в следующий миг, когда она ясно и четко расслышала топот легких маленьких ножек. Непонятно только, откуда он раздавался – снизу или сверху. Казалось, он идет отовсюду. И тут же сполохи темной энергии заполнили пространство.

– Здесь есть что-то, – сказала она. – Не живое.

Бьярн тоже услышал топот. Оба вскочили на ноги.

– Что мы упустили? – прошептала Мара.

Этот вопрос не требовал ответа – Бьярн знал, что она рассуждает вслух, и не мешал.

– Давай на чердак!

Они одновременно подумали об этом: если что-то или кто-то прячется в доме, то таким местом может быть только чердак. Жаль, что они не осмотрели как следует сундуки, когда была такая возможность.

Четыре огромных тяжелых сундука стояли впритык друг к другу, занимая почти все пространство под крышей. Мара откинула крышку ближайшего к ним и принялась вытаскивать тряпки – какие-то старые платья, пахнущие плесенью, шерстяные кофты, побитые молью. Они так слежались за это время, что приходилось их буквально отдирать друг от друга. Драгоценное время уходило.

Бьярн решил проблему радикально: аккуратно отстранил Мару и, взявшись за нижние углы сундука, просто перевернул его, вытряхнув ворох вещей. Обычные старушечьи вещи, ничего больше.

Когда Бьярн шагнул к следующему сундуку и на чердаке на секунду установилась тишина, они вновь услышали дробный, быстрый топоток. Мара закрыла глаза, пытаясь уловить направление, откуда исходят волны темной энергии, но чувства обманывали ее, пытаясь сказать, что отовсюду: снизу, сверху, со всех сторон. Это было невозможно. Она тряхнула головой: ладно, разберемся!

В следующем сундуке не обнаружилось ничего нового. И в следующем. Бьярн переворачивал их, и они вдвоем раскидывали вещи, перетряхивали их, боясь упустить что-то важное. И если бы не воистину медвежья сила Бьярна, несомненно, не успели бы докопаться до содержимого последнего сундука. Сверху тоже лежали вещи, а вот под ними обнаружились книги и ворох исписанных от руки листов со странными знаками и рисунками.

– Посвети! – Мара подняла ближайшие к ней листы, разгладила, поднося к «русалочьему огню», который Бьярн поднял повыше, и тут же, не сдержавшись, выругалась: – Проклятье! Проклятье!

На пожелтевших листах были изображены тщедушные тельца с непомерно большими головами, с тонкими конечностями и зажмуренными глазами.

– Это кто? Дети? – даже в голосе Бьярна сквозили ужас и отвращение. – Мертвые дети?

– Нет… – Мара качнула головой, хотя, признаться, это было первое, что ей самой пришло в голову, но секундой позже она поняла. – Это гомункулы. Кто-то выращивал в доме гомункулов. Понятно кто – бабка. Она умерла, и твари вышли из-под контроля.

В нависшей тишине вновь послышался шум легких шагов. Бьярн обвел светильником пространство, пытаясь увидеть хоть одно из этих созданий. Нет, чердак пока был пуст.

– Зачем кому-то делать такое? – глухо сказал он.

Мара с гомункулами еще дела не имела. Ведь эти создания – творение человеческих рук, и, к счастью, немногие люди готовы были совершить такую глупость. Но однажды она читала про них в книге, которую часто держала в руках в детстве… Нет, сейчас не время для воспоминаний! Мара мотнула головой, выбрасывая из головы все лишнее и сосредоточившись на главном.

– Жизненная сила! Вся нечисть охотится за ней. Но, в отличие от гомункулов, потребляет ее в свое удовольствие, а гомункул приносит ее хозяину, оставляя себе лишь малую часть.

– Бабка питалась жизненной силой? Чтобы продлить себе жизнь?

Бьярн схватывал все на лету. Мара быстро кивнула, соглашаясь.

– Да! Возможно, сначала это был только один гомункул. Но беда в том, что они бесконтрольно и быстро размножаются сами по себе. И все это время запертые

здесь, высосав всю силу даже из стен – ты ведь заметил, что дерево в руках Горга превратилось в труху, – они теперь голодны и очень опасны.

– Что-то не больно бабке помогла ее хитрость. Померла старушка-то!

– Кто знает, сколько она прожила на самом деле. Может, лет сто пятьдесят вместо положенных восьмидесяти! Это неважно уже… Но я не понимаю – где же они?

У Бьярна черты лица вдруг застыли.

– Не знаю, где они сейчас… Но знаю, где они были! Мы их видели!

Мара смотрела, не понимая, чувствуя себя ужасно глупо. Чего она не заметила?

– Подвал, Мара! Не думаю, что бабка огурцы солила.

Мара ойкнула, как девчонка, и, не осознавая, что делает, вцепилась Бьярну в предплечье. Все эти кочаны капусты, помидоры…

– Бежим! – крикнула она.

Как она не поняла сразу! Ведь должна была догадаться! Во всех этих банках со специальным раствором находятся гомункулы. Дремлют, пока на дворе день, а когда наступает ночь, выходят и бродят по дому. Выискивают, озверевшие от голода, чем бы поживиться. А они, как Мара сейчас вспомнила, не только энергией питаются, но и живой плотью. И вполне вероятно, что в старом особняке не осталось уже ни крыс, ни пауков. Зато такая отличная вкусная добыча сама пришла в гости! Здесь нельзя больше оставаться! Даже ее силы не хватит на то, чтобы уничтожить всех расплодившихся тварей. Уйти, а утром вернуться и сжечь дом. Больше ничего сделать нельзя.

Бьярн все понял. Мара любила с ним работать еще и потому, что напарнику не надо было повторять дважды. Они рванули к выходу. Но слишком поздно.

Только теперь Мара разгадала, где твари прятались все это время и почему звук шел словно отовсюду. Деревянные стены, ставшие трухлявыми и ненадежными,

вдруг пошли трещинами. Они крошились, выпуская наружу тех самых существ, которых напарники только что видели на рисунке. Гомункулы все это время прятались в перекрытиях дома и между стенами.

Пока Мара и Бьярн искали их на чердаке, твари поднялись наверх, окружили, а теперь медленно и верно двигались навстречу своей добыче.

Они были точно такими, как на изображении. Уродливые большеголовые создания с узенькими щелями вместо глаз и непомерно широкими ноздрями. Некоторые величиной с кочан капусты, другие – не больше ладони взрослого человека. Они неуверенно двигались вперед, переступая кривыми тонкими ножками, принюхиваясь.

– Бьярн… Они слепые… – прошептала Мара. – Молчи, застынь на месте.

Один из гомункулов повернул голову на звук и зашипел, разинув пасть, обнажив ряд длинных, острых, как иглы, зубов.

Бьярн стоял ближе к выходу, Мара у стены. Между ними три шага взрослого человека. А вокруг каждого постепенно сжималось кольцо, состоящее из желтоватых, влажно блестевших при свете «русалочьего огня» тел.

Даже если напарники не издадут больше ни звука, их все равно обнаружат на ощупь довольно скоро.

Бьярн подал Маре знак руками: «Прыгай ко мне. Я тебя поймаю. Успеем убежать». Мара отрицательно покачала головой. Они услышат и кинутся на Бьярна. Судя по острым зубам тварей, далеко уйти с Марой на руках ему вряд ли удастся.

Она закрыла глаза, прислушиваясь и, словно наяву, наблюдая, как темная энергия затопила чердак. В мешке, который Бьярн так и не снял с плеча, лежит «пожиратель тьмы». Они приобрели его за бешеные деньги и держали на самый крайний случай, а он, похоже, как раз наступил. «Пожиратель» безотказно действовал на любую нечисть, уничтожая темную энергию, которую та излучала. Любое создание тьмы впадало в оцепенение, достаточное для того, чтобы убить врага. Или, как сейчас, сбежать. Гомункулы же настолько малы, что «пожиратель» должен оглушить их до утра.

– Бьярн, – одними губами произнесла Мара, привлекая внимание напарника. – «Пожиратель»…

Один из гомункулов почти добрался до ноги Бьярна – еще пара мгновений, и вцепится. Выхода нет: их надо отвлечь, выгадать для него время. Мара сняла с пояса кинжал и, не обращая внимания на запретительные жесты напарника, провела по ладони.

Капли крови градом посыпались на пол. Гомункулы разом повернулись к источнику вкусного запаха. Их ноздри раздувались, рты были разинуты в предвкушении пищи. Они все теперь шли по направлению к Маре.

– «Пожиратель», Бьярн! – крикнула она.

Бьярн всегда действовал быстро. Мара не сомневалась: тех нескольких секунд, что гомункулы идут к ней, ему вполне достаточно, чтобы вытащить из мешка склянку с фосфоресцирующей жидкостью и разбить ее. Она забыла о том, что Бьярн не спал уже двое суток. «Говорила же тебе!» – с горечью подумала Мара, глядя, как Бьярн неуклюже выронил мешок, снимая его с плеча. Эта крошечная заминка дорого ей обошлась…

Когда она крикнула, гомункулы, теперь ясно понимая, где искать добычу, ринулись вперед. Десятки маленьких скользких тел облепили Мару со всех сторон. Карабкались по ногам, цепляясь за брюки, грызли сапоги. Она стряхивала их с себя, как крыс.

– Умри! Умри!

Вспышка за вспышкой озаряли чердачное пространство: одна за другой твари валились замертво, но их было так много, что освободившееся место тут же занимали другие. И вот Мара закричала от острой боли: самый крупный из гомункулов все же сумел вскарабкаться по ноге и вонзил зубы в бедро. И следом за этим несколько укусов тварей поменьше пронзили ее, словно молнии.

Это продолжалось совсем недолго – всего несколько ударов сердца. А ей чудилось – вечность. Бьярн наклонился за мешком, выхватил банку и швырнул об стену. Последовала ослепительно яркая вспышка, а следом за этим

пространство словно застыло. Визгливые вопли гомункулов мгновенно стихли, и твари, словно перезревшие плоды с дерева, попадали с Мары на пол. Мара и сама едва не упала: ноги отказывались держать. Кровь заливала брюки, раны вызывали нестерпимую боль. Голова туманилась. Нет, нельзя терять сознание. Тогда не выбраться…

Бьярн подхватил ее на руки и бросился вниз по лестнице. Гомункулы не поднимутся до рассвета, а с восходом солнца станут неопасны.

Тщедушные тельца лежали по всему дому – вполне достаточно в качестве доказательства, чтобы получить деньги. Пусть Горг теперь сам разбирается со своим наследством. Вот только какая-то неясная мысль не давала Маре покоя, плескалась на самом дне, под слоем боли, страха и смятения.

Бьярн бегом нес ее по темным пустым улицам. В номере остались лечебные настои, укладка с инструментами – надо только добраться.

– Потерпи, птаха, – разговаривал он с ней, как с маленькой. – Смотри, мы уже прошли переулок. До «Трех топоров» рукой подать. Сейчас, девочка, сейчас…

Постоялый двор встретил их музыкой, льющейся из обеденного зала, – кто-то играл на лютне, – шумом голосов и запахом пищи. Бьярн шагнул на крыльцо, но Мара, очнувшись, вдруг схватила его руку:

– Увидят… Не хочу, чтобы меня видели такой… Давай через черный ход…

Бьярн только головой покачал, но свернул в сторону, чтобы обойти здание и зайти с черного хода. Мара и сама на себя удивлялась: о чем она думает! Но почему-то так не хотелось видеть сочувствующие взгляды, а еще хуже – саркастические, в которых ясно читалось бы: «А мы что говорили? Баба – она и есть баба. Какую работу можно ей поручить?»

Служанка, задремавшая у кровати Эрла, при виде их вскочила на ноги и застыла в ужасе, словно в комнату вломились чудовища.

– Э-э… Господин… Госпожа…

– Спасибо, ты можешь идти.

Девушка рванула было к двери – ей очень хотелось поскорее сбежать, – но все же у самого выхода притормозила:

– Господин наместник заходил. Спросил, выживет ли Эрл. Я говорю: не знаю, на вид очень уж плох. Он над ним постоял-постоял, покивал и ушел…

– Я понял тебя, – рокочущий голос Бьярна, хотя он вовсе не хотел пугать служанку, заставил ее исчезнуть в коридоре так быстро, что показалось, будто она прошла сквозь стену.

Бьярн уложил Мару на постель и бросился к батарее склянок, стоящих на столе. Мара выставила их на случай, если Эрлу срочно что-то понадобится. Укладка с иглами и льняными нитками лежала тут же.

– Сейчас, сейчас, девочка…

Бьярн зубами вытащил пробку из пузырька с темно-синей жидкостью – настойкой безличника. Поднес его к губам Мары.

– Три капли… – прошептала она.

– Трех мало. Ты останешься в сознании, когда я тебя буду штопать.

– Три! – сказала она твердо. – Я сама… себя заштопаю…

Бьярн только головой покачал, но сделал, как она просила, а потом вложил иглу в дрожащие пальцы.

– Отвернись!

Бьярн отвернулся, и Мара поняла, что он с трудом сдерживает резкие слова, готовые сорваться с языка.

– Проклятие!

Мара не могла удержать иглу, руки просто отказывались слушаться. Кровь между тем все лилась, особенно из раны на бедре, и заливала простыни.

Бьярн выругался сквозь зубы и вдруг выхватил из ее слабых пальцев иглу.

– Можешь орать и злиться. Потом. Потому что сейчас я намерен не дать тебе истечь кровью.

Стянул с Мары сапоги, принялся расстегивать ремень на брюках. Мара вцепилась в пряжку и только отчаянно помотала головой.

– Ну чего ты боишься?

Он аккуратно снял ее руки, бессильные сейчас, и Мара, понимая, как беззащитна, вдруг расплакалась, как маленькая. Она знала, что потом будет винить себя за эту минуту слабости. Никто никогда не должен видеть ее слез. Бьярн замер – за два года он ни разу не замечал, чтобы Мара плакала. Даже тогда, когда в начале весны шатун распахал ей когтями спину и Мара после этого две недели находилась между жизнью и смертью, но все же одолела мертвецкую хворь.

– Ну что ты? – Он погладил ее по волосам неуклюжей огромной пятерней, которая, однако, касалась Мары очень бережно. – Больно? Ах ты птаха…

И, уже не обращая внимания на слабое сопротивление, стянул пропитанные кровью брюки, а потом влил в искривленный от боли рот напарницы еще несколько капель безличника.

– Не буду наживую штопать, уж извини.

Мара почувствовала, как погружается в беспамятство, но все же огромным усилием воли удержала сознание. Она ничего не ощущала, но слышала, что Бьярн продолжает разговаривать с ней, зашивая рану на бедре.

– Потерпи, девочка… Ты на меня в прошлый раз ругалась, что я тебе рану на спине зашил, словно плугом прошелся. Я сейчас аккуратно постараюсь… Как смогу… Ты не злись уж… Не надо было нам связываться. Ты устала. И я… Прости,

птаха, подвел тебя!

Бьярн долгие несколько секунд молчал, должно быть, только сейчас осознав, что, возможно, Мара была права, устроив ему выволочку за ночное бодрствование.

Молчал, а Маре сейчас был так нужен его спокойный, уверенный голос. Она застонала, и Бьярн будто очнулся.

– Тихо, тихо, птаха… Уже почти все. Вот подштопаю тебя и спущусь, заберу наши деньги. А заодно, может быть, голову оторву этому Горгу. Еще не решил…

Он закончил и крепко перевязал рану полосками ткани, разорвав простыню на лоскуты. Маленькие раны промыл настойкой живоцвета и тоже стянул повязками.

– Отдыхай теперь…

Он поднялся было на ноги, но Мара, повинуясь какому-то внезапному порыву, вдруг, не открывая глаз, схватила его за руку. Неясная тревога продолжала сжигать ее изнутри, хотя самое страшное должно было остаться позади.

– Не ходи, – проговорила она, собрав последние силы. – Утром…

– Мара, но… – он постоял пару секунд, а потом сел на пол у ее постели. – Ладно, хорошо. Я не уйду. Спи.

Глава 8

Старик недолго вел девочку по лесной тропинке. Дорога, вильнув, выбежала на небольшую полянку, где, притулившись к старому кряжистому дубу, стоял домик. Старик завел ее внутрь, и девочка оказалась в квадратной комнате с небогатым убранством.

Комната была разделена на две части старенькой занавеской. В одной стороне находилась кровать, стол возле нее, где стояла чернильница, лежали очиненные перья и, о чудо, даже книги. Девочка в своей жизни книги видела только один раз – в городе, на ярмарке. Стоили они целое состояние, а в руках их, конечно, продавец подержать не разрешил. В другой стороне располагалась крошечная печь, сложенная из кирпичей, стол, где на доске лежал ломоть хлеба, завернутый в чистую тряпицу, и стоял кувшин с водой. Девочка невольно облизнула губы – хотелось пить. А еще все стены этого странного дома от пола до потолка занимали полки, и на них – ух, глаза разбежались – чего только не было. Баночки и пузырьки – в некоторых жидкости, в некоторых непонятные предметы. Свитки, перевязанные ленточками. Камни и минералы. Черепа и кости. Ой, ужас-то! Девочка отвернулась и снова облизала пересохшие губы.

– Садись! – старик усадил ее на табурет перед столом, а после налил в кружку молока – в кувшине оказалось молоко – и отрезал кусок серого пышного хлеба.

– Ешь! – голос был все такой же властный и суровый, но девочка отчего-то больше не боялась.

Пока она откусывала маленькие кусочки от лакомства – а для нее после долгих дней впроголодь даже хлеб казался лакомством, – хозяин дома снял с полки какой-то флакон и смочил жидкостью тряпицу.

– Покажи мне свою руку! – сказал он вновь тоном, не терпящим возражений.

Девочка забеспокоилась. Руку она поцарапала три дня назад, и с тех пор царапина болела все сильнее и сильнее, так что она даже боялась прикасаться к этому месту. И ей вовсе никому не хотелось ее показывать.

– Не бойся! – старик заметил ее беспокойство, и голос его вдруг смягчился. – Больно не будет. Я только перевяжу тебе ручку.

И действительно, от прохладной повязки царапину тут же перестало дергать. Девочка наелась, напилась и повеселела. Ей захотелось поболтать с непонятным, удивительным стариком, тем более что за дни вынужденного одиночества она успела соскучиться по человеческому общению.

– Как тебя звать? – спросила она с детской непринужденностью.

– Хм… – хозяин дома усмехнулся в бороду. – Кто-то зовет меня профессором Вигге. Кто-то просто учителем. Но при рождении мне дали имя Биргер.

– Дядя Биргер, значит? – проговорила девочка, словно пробуя имя на вкус, но потом критически взглянула на старика и поправилась: – Дедуля Биргер. Можно я тебя так стану звать?

Дедуля Биргер, кажется, был немного ошеломлен таким натиском, потому в ответ издал что-то вроде сдавленного хрипа, но девочка не обратила внимания, потому что уже направилась с осмотром на другую половину дома. Первым делом ей хотелось прикоснуться к книгам.

Она подобралась к столу и застыла в благоговении у раскрытого посредине толстого фолианта. Пожелтевшие листы изображали нечто странное, да к тому же все были исчерканы надписями и незнакомыми знаками. Девочка только головой сокрушенно покачала: это кто ж такое безобразие учинил?!

– Можно? – спросила она.

– Да.

Маленькая гостья коснулась края листа кончиком пальца. На большее ее решительности не хватило.

– А что это? – спросила она, указывая на нечто странное, немного похожее на требуху поросенка.

– Это человеческое сердце в разрезе, – терпеливо объяснил старик.

– Ух! А зачем?

– Хм… В этой книге рассказано о том, из каких частей состоит человек. Они называются органы. А еще о том, как эти части лечить.

Девочка покосилась на него недоверчиво.

– И что, ты всю эту книгу прочитал?

Старик снова усмехнулся, вся напускная суровость постепенно слетала с него, и с каждой минутой знакомства становилось понятнее, что сердце у него доброе и терпеливое.

– Более того, я эту книгу написал.

Девочка даже рот раскрыла от удивления. Заяви старик сейчас, что он сам Всеединый, спустившийся на землю, он и то не сумел бы изумить ее больше.

– Ох… – только и смогла произнести девчушка, но, поразмыслив минуту, осмотревшись еще раз по сторонам, сделала вывод: – Ты, верно, медикус. И учился в Академии. Да?

– Да, – согласился собеседник, которого весь этот разговор, судя по его лицу, и радовал, и огорчал одновременно. – Сначала учился. Потом преподавал. И лечил…

– А сейчас?

– Больше не лечу. Я дал обещание…

– Кому?

Синие глаза внимательно посмотрели на старика.

– Себе.

Девочка тут же рассмеялась и махнула рукой:

– А! Себе – это ладно! Я так тоже делаю. Даю обещания, а потом… – она понизила голос, – а потом вот не исполняю.

Дедуля Биргер рассмеялся этой непосредственности и вдруг, наклонившись к маленькому уху, признался:

– Я, честно говоря, тоже.

Девочка серьезно кивнула ему, как будто обязуясь хранить эту тайну, а потом направилась к полкам. Ей очень нравилось в этом доме. И странный запах – запах книжных страниц и травяных настоев, и атмосфера загадочности, таившаяся, казалось, в каждом уголке. И сам дедуля Биргер очень нравился. Почему она вначале его испугалась? Ведь ясно же, что он только на вид грозный, а сам вон, пожалуйста, протирает листочки у какого-то растения, стоящего на подоконнике. И взгляд такой, будто перед ним не цветочек, а живое создание, даже разговаривает с ним. Девочка вдруг почувствовала себя страшно взрослой, смотрящей свысока на заигравшегося малыша. Да он, бедняга, без хозяйской руки совсем здесь пропадет.

– Я ведь останусь с тобой, – сказала она, не столько спрашивая, сколько утверждая.

Дедуля Биргер не ожидал такого и смутился.

– Ну, по крайней мере, до тех пор, пока рука не заживет, – выкрутился он из щекотливого положения.

Прошли дни. Рука зажила. А девочка так и осталась жить в доме. У нее появилась отдельная комнатушка, отгороженная занавесью. И своя кровать, сколоченная из досок. И даже свой столик. В комнате и без того места было мало, а сейчас стало совсем тесно, но девочка была счастлива. И дедуля Биргер, хоть иногда сурово хмурил брови, тоже был счастлив.

Глава 9

Мара проснулась во тьме с бешено колотящимся сердцем. Им нужно срочно уходить. Сейчас!

Подспудная тревога, гнездившаяся в сердце, вдруг оформилась в одну-единственную мысль: их хотели убить. Все было подстроено с самого начала.

Горг знал! Он не мог не знать о том, что творится в доме. Неужели он ни разу не заглянул в банки, стоящие в подвале? Ладно, даже если так – не это стало главной уликой. Мара знала точно: гомункулы продлевают жизнь своим хозяевам. Умершая женщина должна была прожить на свете не меньше полутора сотен лет. Сколько же тогда должно было исполниться ее внуку? На вид ему было не больше тридцати. А это значит… Это значит, что он сам не раз пользовался гнусными маленькими созданиями, пока те, расплодившись, не вышли из-под контроля.

Знал и все равно отправил некромантку и ее напарника в заколоченный дом, понимая, что они не вернутся живыми. Но зачем? И решился бы он на такой поступок, не имея за спиной сильного покровителя?

Горг и сам обмолвился в разговоре о том, что наместник знает о доме. Но действительно ли он повелел заколотить дом, ожидая приезда некроманта, или, возможно, сказал Горгу что-нибудь вроде: «А давай пока оставим все как есть, может, пригодится однажды!»

Наместник… Мара вспомнила взгляд, в котором так ясно читалась растерянность, когда они с Бьярном появились на площади. Потом последовала просьба не тревожить тело. Потом изумление: «Как он может быть жив?» И наконец – это необъяснимое появление поздним вечером в номере, где Эрл лежал без сознания. Значит ли это, что после ответа служанки наместник понадеялся, что мальчик не доживет до утра, и только поэтому ушел?..

Догадки, одни догадки. Но Мара ощущала всеми своими обостренными чувствами: ее догадки верны. О, ради Всеединого, что происходит в этом городе?

Так или иначе, уходить надо было немедленно. Пока на дворе ночь и их еще не хватились. Хорошо, что Бьярн пронес Мару через черный ход – возможно, еще никто не знает, что они вернулись. Горг, должно быть, уже празднует победу… Но сколько у них осталось времени?

– Бьярн… – позвала Мара, но из горла вместо имени вырвался какой-то хрип.

Бьярн, дремлющий на стуле, однако, услышал и поднял голову.

– Что, девочка? Воды?

Мара была так слаба, что даже не стала возмущаться насчет «девочки». Вот так всегда – стоит мужчинам почувствовать слабину, как начинается… Нет, сейчас об этом думать некогда.

Она кивнула и указала на настойку безличника – глубокая рана на ноге снова ныла и дергала, как больной зуб. Как она пойдет? Но надо идти, что поделать.

– Бьярн, послушай, – произнесла она тихо, когда горло перестало саднить.

И она, стараясь говорить кратко, рассказала о своих подозрениях, пытаясь вложить в слова всю уверенность – лишь бы только напарник поверил, лишь бы не стало слишком поздно.

– Тебе придется понести Эрла. Я пойду сама.

Бьярн выглядел ошеломленно.

– Ты думаешь, Грир убил родителей этого мальчика? Едва его самого не отправил на тот свет? Зачем ему это нужно? Зачем убивать нас?

– Я не знаю, Бьярн! Не знаю! Знаю только, что если мы не поторопимся, то ненадолго задержимся на этом свете! Наверное, не все жители с ним заодно. Многие даже не догадываются, но на его стороне сила и власть! Бьярн…

Мара не хотела, но, кажется, в ее голосе проскользнули умоляющие нотки. Она прокашлялась, заставляя слезы, выступившие на глазах, убраться куда подальше.

– Я понял тебя, – ответил Бьярн. – Понесу мальчика. А ты, птаха… Тяжело тебе придется с такой раной.

Мара и сама знала, что тяжело. А разве у нее есть выбор?

Парень, охраняющий ворота, дремал в сторожке. Вскинулся от стука, долго щурился, пытаясь понять, чего от него хотят. Оставалось только надеяться, что

он не в курсе дел наместника и не побежит докладывать ему о беглецах. Им главное – уйти подальше в лес, в погоню никто не кинется: слишком опасно.

– Уходите? Сейчас?

Он покосился на мальчика, завернутого в одеяло.

– Да… Его срочно надо доставить в… Соувер. В Академию медицины.

Мара стояла покачиваясь, с трудом опираясь на палку, которую Бьярн изготовил за несколько минут из толстого сука. Всеединый, что она несет! Он их раскусит мгновенно… Как бы тревогу не поднял! Но парень, не очнувшийся еще ото сна, пожал плечами и открыл ворота.

– Доброй дороги вам, господин Бьярн. И некромантке вашей.

– Я не его некромантка! – прошипела Мара, но никто, кроме напарника, ее не услышал.

Шли всю ночь. Расстояние, которое обычно преодолевали за час, теперь растянулось, казалось, на тысячи километров. Мара ковыляла, опираясь на палку. Морщилась, стараясь не стонать. Время от времени подносила к губам бутылочку с безличником и роняла на язык пару капель. Больше никак нельзя. А так хотелось сделать большой глоток, растянуться прямо здесь на мягкой траве и провалиться в благословенное беспамятство.

Бьярн, шагавший впереди, поначалу все оборачивался на нее через каждый десяток шагов, пока Мара не взорвалась:

– Жива я пока. Жива! Буду помирать – крикну!

«Нам бы только подальше от Скира отойти, – думала она про себя, – чтобы догнать не попытались!»

О том, что до Великого Тракта ей теперь придется ковылять больше суток, даже думать не хотелось.

В конце концов Бьярн не выдержал. Увидев по дороге небольшую сухую ложбинку, поросшую густой травой и скрытую от посторонних глаз нависшими над ней деревьями, он аккуратно уложил Эрла, а потом встал у Мары на пути.

– Все. Привал. Мы ушли далеко.

Мара хотела поспорить: нет, недалеко, надо дальше, но поняла, что уже просто готова выть от невыносимой боли. Посмотрела на ополовиненную бутылочку с безличником. И ведь, как назло, эта была последней… Мара вздохнула. Эрлу тоже может понадобиться снадобье, когда он очнется. Мара откупорила пробку и сделала крошечный глоток – и пяти капель, наверное, не будет. И тут же рухнула как подкошенная на руки Бьярну.

Глава 10

Очнулась Мара от гула голосов. Бьярн старался говорить тихо, но это все равно что колокол на ратуше заставить звучать вполсилы – практически невозможно.

– Ты что-то помнишь? – спрашивал он. – Про то, как прибежал в Скир? Про Анхельм? Что случилось там?

А детский голос отвечал:

– Нет… Нет… Я помню только, как возвращался домой с прогулки… Я…

Мара услышала, как Эрл – а это, конечно, был он – начал всхлипывать:

– Значит, мои мама и папа… Они…

Мара, поморщившись, села. Рана ныла, голова была тяжелая, как с похмелья, во рту пустыня. И тут же две пары глаз устремились на нее. Бьярн смотрел с тревогой: «Как ты, птаха?» – а черноволосый Эрл, у которого глаза оказались изумрудно-зелеными, яркими, словно трава, взглянул с ожиданием и с некоторым испугом. На удивление хорошенький мальчишка. «Ух, грозой девчонок станет, когда вырастет!» – подумала бы с восхищением любая на

месте Мары, она же мысленно произнесла то же самое, только с оттенком горечи. Но сейчас это был просто испуганный осиротевший ребенок, потому она улыбнулась и приветливо кивнула.

– Я Мара. А ты Эрл, да? Здравствуй.

– Здравствуй, – прошептал Эрл. – Ты меня спасла. Мне Бьярн рассказал. Вот только… Только я ничего не помню… Как же так?

Его лицо сделалось растерянным и несчастным. Мара не была удивлена такому повороту дел. Очень часто сознание людей, переживших ужасные события, вытесняло их из памяти. И вновь ее коснулось мимолетное сожаление: ее разум отказался ей помогать – она подробности самого страшного дня своей жизни помнила так четко, словно они произошли только вчера.

– Это ничего, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Ничего. Так бывает. Ты сейчас с нами, и тебе ничего не грозит…

Жаль, конечно, что Эрл не дал им никакой зацепки для понимания того, что же все-таки произошло в Анхельме, но так лучше для него самого.

– Нам надо идти.

Мара заставила себя произнести это, хотя от одной мысли, что вновь придется ковылять по лесу, спотыкаясь о корни и кривясь от ноющей боли, ей стало нехорошо.

– Поешь сначала!

Оказывается, Бьярн успел приготовить похлебку. Правда, воды и медвежьего лука в ней в этот раз было гораздо больше, чем корнеплодов и мяса, но горячая пища придала сил и взбодрила.

– Вечером попробую грибов найти, – говорил себе под нос Бьярн, выскребая со дна котелка остатки варева. – Продержимся…

Он тщательно перебрал и заново уложил мешок, засыпал костер землей, расстелил на земле одеяло, чтобы завернуть Эрла. Бьярн всегда все делал основательно и вдумчиво. Маре нравилось наблюдать за ним в такие минуты – за его неторопливыми, уверенными движениями. Заодно у нее появилось время свыкнуться с необходимостью, сцепив зубы, двигаться дальше.

Бьярн закончил и присел рядом.

– Я иду, иду… Сейчас…

Мара потянулась к палке, заменявшей ей костыль, но Бьярн вдруг удержал ее руку.

– Птаха… Ты ведь знаешь, что силы мне не занимать. Мне ее порой просто девать некуда.

– Не зови меня птахой, – по привычке одернула она его, а потом недоуменно вскинула взгляд. – Это ты к чему?

Бьярн вместо ответа перевернул ладонь тыльной стороной вверх и кивнул.

– Что? Нет! Нам это запрещено!

Мара знала, что предлагает ей напарник – поделиться частью своей жизненной силы. От этого раны действительно начнут затягиваться гораздо быстрее, но Мара просто не могла так поступить с ним.

– А мы никому не скажем, – ухмыльнулся Бьярн. – К тому же, когда ты бедолагу в трактире едва на тот свет не отправила, тебя это не остановило.

– Я… Не отправила бы я его! Я больше испугала, чем…

Мара почувствовала, как щеки начинают предательски алеть.

– Давай, давай, – Бьярн попытался подсунуть свой огромный кулачище под ее узкую ладонь, но Мара отодвинулась. – Не артачься, девочка. Далеко ли ты уйдешь с такой ногой? Подумай хоть об Эрле.

– Знаешь, как это называется?

– Ага, – широко улыбнулся Бьярн. – Знаю.

Мара вздохнула и кивнула, соглашаясь. Ее тонкие пальцы обхватили запястье напарника, Мара закрыла глаза, чувствуя, как вверх по руке заструились ручейки силы.

Некромантов еще и поэтому не любят: мало того что они мертвых поднимают, так вдобавок могут жизненную силу забрать. Потому члены гильдии ходили в перчатках, показывая добропорядочным гражданам, что бояться им нечего. Мара терпеть не могла перчатки, но в городе тоже вынуждена была их носить.

Те случаи, когда она забирала чью-то жизненную силу, Мара могла пересчитать по пальцам. Но самый первый случай никогда не забудет: тогда она выпила человека до дна. И именно тогда решила, что отныне будет зваться Мораной – смертью. Та энергия была горькой, как прогорклая, болотная вода, так что невыносимо хотелось разжать пальцы, но она все пила и пила, ведь от этого зависела ее жизнь.

Парнишка в трактире был на вкус словно ледяной родник – обжигающе прохладный. Впрочем, тогда она едва сделала один глоток.

Бьярн был словно тягучий мед – густой, питательный и сладкий. Одного прикосновения хватило, чтобы Мара насытилась и почувствовала, как уходят усталость и боль.

– Вот и ладно, – удовлетворенно сказал напарник, когда Мара выпустила его руку.

Он даже не побледнел и бодро поднялся на ноги. А у Мары отлегло от сердца – она не причинила ему вреда.

На Великий Тракт вышли только в сумерках. Счастье еще, что по дороге им не встретились ни шатун, ни другая опасная тварь. Мара, благодаря Бьярну, чувствовала себя значительно лучше, да и Эрл, кажется, постепенно приходил в себя. Дети удивительным образом умеют приспосабливаться даже к самым

отчаянным обстоятельствам жизни. Все утро мальчик проплакал на руках Бьярна, ближе к обеду, когда расположились отдохнуть, он уже с любопытством озирался по сторонам, а под вечер начал задавать вопросы. Кажется, от природы Эрл был общительным и разговорчивым ребенком, и сейчас темперамент брал свое.

– Куда мы идем? – спрашивал он время от времени.

Ответ «Пока прямо!» его не устраивал.

– А что мы будем есть на ужин? – интересовался он, поняв, что на первый вопрос ясного ответа не получит, и сам же сообщал: – Грибную похлебку! Да, Бьярн?

Бьярн, который все же выдохся, неся Эрла, только неопределенно мычал в ответ.

– Очень кушать хочется, – доверительно сообщил Эрл Маре, надеясь, что хотя бы она вступит с ним в беседу.

Мара порадовалась, что к мальчику так быстро вернулся аппетит – значит, идет на поправку. Да к тому же дети быстро растут и всегда голодны… Внезапно ее озарила догадка.

– Эрл, а вчера ты ел вестяник? Не помнишь?

– Не помню, – задумался Эрл. – Но я его часто ем. Он вкусный. Кисленький такой.

Возможно, вот она – разгадка невероятного воскрешения. Может быть, именно вестяник стал причиной того, что жизнь продолжала теплиться в мальчике так долго. Если этот вестяник действительно так хорош, то надо, пожалуй, прикупить настойки живисила.

Они планировали заночевать на Тракте, пусть даже без обещанной грибной похлебки – в темноте отыскать грибы не удалось даже Бьярну, – зато в относительной безопасности. Но на этот раз удача, которая нынешней осенью, казалось, совсем отвернулась от некромантки и ее напарника, вдруг одарила их своей милостью.

Впереди горели костры, и до голодных путников донесся вкусный запах готовящегося мяса. Непонятно, кем были эти люди, устроившие привал так недалеко от того места, где они вышли из леса, но ясно было одно: это не шатуны и не нечисть, а значит, можно попробовать договориться. Может, получится купить еды или они разрешат остановиться рядом на ночлег.

Все сложилось лучше, чем они предполагали. В небольшом кармане, специально устроенном на Тракте для отдыха путешественников, расположилась бригада некромантов, призванная следить за безопасностью на главной артерии, соединяющей города Симарии.

Две подводы с кладбищенской землей образовали дополнительный заслон на случай, если сунется мертвец. Три темные фигуры расположились у костра, негромко переговариваясь.

Мара, хромая, вступила в круг света, высоко подняв над головой знак гильдии.

– Некромант второго разряда. Прошу помощи и содействия.

Глава 11

Уже спустя час Эрл, сытно поужинав, безмятежно спал. Мара на всякий случай дала ему две капли безличника – пусть спит крепко и без сновидений.

Некроманты – все трое молодые парни – представились попросту, по именам. Кьел, Магнус и Зик. Мара и Бьярн назвали свои. Теперь дозорные перестали быть случайно встреченными на дороге путниками, а значит, могли спросить о том, что произошло.

Напарники быстро переглянулись. Сейчас честность была, пожалуй, не самой верной стратегией. Мара отвернулась, давая Бьярну возможность самому придумать подходящую версию. Обманывать своих, да к тому же тех, кто накормил и приютил, было совестно.

– У мальчишки всю родню нечисть истребила, – кратко поведал Бьярн полуправду, но потом все же вынужден был приврать: – Ведем его к тетке, в Корни-Кэш. А Маре вот ногу в битве порвали… Так что вот так…

Немногословность у такого огромного – косая сажень в плечах – парня казалась чем-то естественным, потому молодые некроманты не стали выпытывать подробностей: все равно толку не будет, а только сочувственно покивали головами.

– А мы практику проходим, – сказал Кьел, обводя рукой темную дорогу, телеги и лес за спиной.

– Так вы из Академии? – догадался Бьярн.

– Ага. Четвертый курс. Я сначала боялся до смерти, что шатуны на каждом шагу будут лезть – только успевай заклинания выкрикивать. И вот уже третью неделю таскаемся по Тракту – тишина, пустота. Честно, даже скучно.

Он покосился на Мару и на ее залитые кровью брюки с толикой зависти.

– Кстати… Штаны запасные есть. Могу поделиться.

Магнус и Зик не разделили энтузиазма по поводу разбазаривания казенных штанов, это было ясно по тому, как они переглянулись. Но все же Мара оказалась своей, к тому же пострадала на задании, потому ей все-таки отдали форменные брюки Академии.

– Мы завтра в Выселенки – надо запас земли пополнить. А потом обратно на север, – сказал Магнус, молчавший до этого. Он, судя по серьезному лицу, был главным из троих. – Вы там отдохните. Может, в южном направлении кто поедет. Говорят, обоз через эти места пойдет как раз в направлении столицы.

– Да, отлично.

Мара даже не думала, что ради них бригада бросит работу. Даже то, что завтра их довезут до деревеньки, – большое везение.

Начали располагаться на ночлег, когда Кьел, самый юный из команды, разговорчивый и дружелюбный, указал рукой в направлении леса:

– О, еще какой-то путник шастает по ночам. Ну, этого уж мы кормить не станем.

Бьярн встал рядом и вгляделся в силуэт, который то появлялся, то исчезал между стволами деревьев.

– Я бы даже сказал – шатается по ночам, – сказал он со смешком.

Четверокурсники мгновенно поняли, на что намекает напарник Мары, и все трое, не сговариваясь, отступили к телегам. Потом судорожно заметались, вытаскивая из мешков бесполезные в таком деле вещи. Один зачем-то натянул перчатки, другой дрожащими руками откупорил пузырек с настойкой кровяника и одним глотком осушил его. Мара поморщилась: вот у бедолаги голова теперь разболится! Практиканты не обманули, похоже, дела с шатунами они пока не имели. Разве что на занятиях в Академии под бдительным присмотром преподавателей.

Шатун-одиночка, вышедший к Тракту, не опасен. Он не сможет переступить через канаву, наполненную кладбищенской землей. А если сможет – потеряет бо`льшую часть своей силы. Если не рассыплется прахом, то станет слаб, как ребенок. Раненая Мара и то сумеет справиться с ним одним движением пальца.

Но мальчишек надо учить, иначе они так и будут шарахаться от каждой тени. Поэтому она сделала знак Бьярну: «Подыграй» – и осела на землю.

Бьярн знака не увидел: он в этот момент вглядывался в мертвеца, который подошел совсем близко к дороге и теперь брел вдоль нее, приближаясь к дозору. Зато увидел тело Мары, распластанное без движения, и кинулся к ней.

– Девочка… Что?

Он приподнял ее голову, нащупывая на поясе флягу с водой.

– Сейчас, потерпи…

– Бьярн, проклятие! – прошипела Мара, стараясь, чтобы парни не услышали. – Притворяюсь я, не видишь! Даю им шанс проявить себя!

Бьярн как стоял, склонившись над ней, так и сел. Провел ладонью по лбу.

– С ума ты меня сведешь, птаха…

– Не зови меня так! Тихо… Давай посмотрим!

Четверокурсники между тем взяли себя в руки и, растянувшись цепочкой, двинулись к шатуну. Мара даже не знала, кому она больше сейчас сочувствует – незадачливым некромантам или бедняге мертвецу, который заметался, выбирая, какой лакомый кусочек из троих ему выбрать.

– М-мы? М-му?

Он даже выглядел удивленным, хотя Мара понимала, что это только ее воображение.

– Экран, дурни! – прошипела она, догадавшись, что некроманты забыли закрыться. – Чему вас только учат!

– М-мир? М-мир-н-но? – мычал шатун.

Но в конце концов Магнус сумел подобраться к мертвецу и упокоил его заклятием «Умри». Мара подумала, что из серьезного молодого некроманта, возможно, все-таки выйдет толк. Трое вояк разразились победными криками, ликуя так, словно одолели по меньшей мере стадо шатунов.

– Что он там говорил? – Мара нахмурила брови, размышляя, не почудилось ли ей. – «Мирно»?

Бьярн неопределенно пожал плечами: он не прислушивался.

Но некроманты тоже это слышали.

– Он что – говорил? Серьезно? – спрашивали они друг у друга. – Мирно – смирно. Вот ты и присмирел, горемыка.

Мара, которая уже как ни в чем не бывало сидела, ожидая их возвращения, не упустила возможности поучить молодежь. Она едва ли была старше парней, но чувствовала себя гораздо опытнее и умнее.

– Иногда последняя мысль или слово застревает у них в голове, – назидательно сказала она. – У шатунов. Тогда они только его и повторяют. Обычно это ничего не значит – только эхо оборванного сознания. А иногда…

Все трое заинтересованно посмотрели на гостью – в тоне ее голоса они безошибочно угадали отголосок нерассказанной интересной истории. Мара не устояла перед этими взглядами.

– Ладно, чего уж… Хотя рассказывать особо нечего. Встретили мы раз шатуна, и не в лесу, а в городе. Ночью вылез из какого-то подвала, где его, видать, и убили. Жуткий, полголовы топором отрублено.

Кьел судорожно сглотнул, и Мара краешком глаза увидела, как Бьярн усмехнулся в бороду. История действительно случилась с ними год назад, и с тех пор Мара любила рассказывать ее случайным спутникам. Лучше всего срабатывало, если разговор происходил у ночного костра.

– Идет и бормочет, – Мара перешла на шепот, и трое некромантов невольно приблизились к ней. – Идет и бормочет…

Она распрямилась и сказала обычным голосом:

– Потом оказалось, что был он купцом, возвращался домой с хорошим наваром. Деньги зашил в рубашку и думал, что никто о них не узнает. А попутчики как-то увидели, напоили, завели в подвал и убили.

– А что бормотал-то он? – жалобно спросил юный дозорный.

– Что бормотал, что бормотал… – Мара вновь перешла на шепот и вдруг резко вытянула вперед руку и завыла, подражая шатуну: – Верни деньги!

Некроманты отпрянули, лица их исказились от ужаса, но тут же, догадавшись, что Мара специально их напугала, они расхохотались так, что едва не падали на землю от смеха.

– Кстати, слова покойного как раз и послужили доказательством мотива, – закончила она историю. – Убийц скоро поймали.

– Фух! Чуть в штаны не наложил! – доверительно сообщил вслух Кьел.

– Ты поосторожнее там. Свои-то как раз отдал! – улыбнулся Зик, и вдруг улыбка завяла. – А этот-то, кстати, тоже не своей смертью умер. У него вся грудь разворочена…

Он помолчал и добавил:

– Только это не наша печаль уже. Свою работу мы выполнили.

Глава 12

В Выселенках – маленькой деревушке – не оказалось даже своего постоялого двора. Купеческие обозы проезжали через нее редко, гости тоже не захаживали. Если кому-то требовалось заночевать, некоторые жители сдавали комнаты.

Мара и Бьярн сняли две тесные комнатушки у какой-то глухой бабки, которая хоть и была туга на ухо, но деловой хватки не потеряла, вытребовав с путников двадцать монет за седмицу, причем плату взяла вперед. Правда, обещала за это кормить завтраками, а на ужин подавать крынку молока.

Двадцать монет. Почти все, что было у напарников. Мара ничего не сказала вслух, но с тоской подумала о том, что теперь денег до зимы им едва ли удастся заработать. И, видно, придется переговорить с Бьярном – отпустить его. Один он, возможно, найдет подработку на оставшееся время. Что же за черная полоса такая…

Но это подождет – есть еще несколько дней в запасе. Пусть Бьярн тоже отдохнет, наберется сил. Мара не хотела признаваться даже себе самой в том, что просто не хочет его отпускать.

Бабка достала из печи горшок с кашей, нарезала хлеб и налила квас – невесть какой завтрак, но лучше, чем ничего. Эрл, который уже смог самостоятельно подняться на ноги, присоединился к ним за столом. Хотя Мара уговаривала его поесть в постели, но мальчик, узнавший утром от провожатых о ночной стычке с шатуном, теперь не отставал ни на минуту, продолжая выспрашивать подробности. Мара даже подумала о том, что, возможно, какое-то воспоминание, стершееся из головы, заставляет его снова и снова задавать вопросы. А может быть, это обычное детское любопытство.

– Он убит был? Прямо в грудь?

– Да, – в сотый раз устало согласилась Мара, поскорее накладывая себе в тарелку горку пшеничной разваристой каши, мечтая набить рот и помолчать хотя бы пять минут.

– Ух… И даже говорил! Жу-уть! Откуда он шел, интересно?

– Так вы нашего Базиля нашли? – встрепенулась хозяйка, которая, видно, плохо слышала только тогда, когда ей это было выгодно. – Ох, злодейство. Злодейство вчера здесь совершилось, малыш!

Мара и Бьярн одновременно попытались задать вопрос, оба подавились кашей и закашлялись.

– Убийство? – первым пришел в себя Бьярн. – Значит, ша… погибший из здешних мест?

– А то! Из наших. Базиль это, Самохи сын. Они с Вендимом невесту не поделили. Та сначала с Базилем шашни крутила, а потом… – старуха махнула рукой. – Ветреная глупая девчонка. Так вчера Вендима и застали на месте преступления. Стоит с колом в руках – из ограды, видать, вытащил. Весь трясется. «Я не виноват, – говорит. – Я только защищался!» А Базиль у его ног лежит и не дышит уже. Ну, повязали голубчика – и в погреб, пока дознаватели едут. Они к нам из самого Флагоса поедут, двое суток пути. А пока суд да дело, Базиль наш

поднялся и убег в лес.

Бабка рассказывала историю так буднично, словно тут, в небольшой деревушке, каждый день происходят убийства. А ведь наверняка дело неслыханное, и еще через год только об этом происшествии и будут вспоминать.

– Но точно ли это он? – засомневалась Мара. – Во что он был одет?

Сама она утром успела осмотреть упокоенного. В том, что он деревенский парень, сомнений не возникало, но в таком деле лучше изучить все детали.

– Рубашка желтая с алым узором, штаны серые… М-м-м… Шляпа, кажись, была…

Шляпу несчастный по дороге, конечно, потерял, но остальные приметы совпадали.

Эрл переводил взгляд любопытных зеленых глаз с бабки на Мару, с Мары на Бьярна, и вновь возвращался к бабке.

– А если Вендим правда не виноват? – спросил он. – Если он защищался?

Мара вспомнила идущего на них шатуна, бормочущего: «М-мир-н-но». Едва ли защищался. Неведомый Вендим доверия у нее не вызывал. Как, впрочем, и Базиль – сочувствия.

– А может, допросишь его, девица? Раз уж ты так удачно к нам в Выселенки завернула. Промысел Всеединого, не иначе. Да и тело Базиля надо домой вернуть, похоронить по-человечьи. Мать убивается…

Мара вздохнула.

– Не получится допросить. Его уже наши упокоили. После такого заклятия мертвого не поднять… А тело, конечно, покажем.

Она посмотрела на Бьярна, вопросительно приподняв брови: «Покажешь?» Ей неловко было просить напарника вместо отдыха возвращаться к месту ночной стоянки, но себя она чувствовала пока слабой. Бьярн кивнул.

– Ах, как жалко, деточка. Как жалко, – причитала бабка.

Мара промолчала о том, что один способ все же существовал, но такой трудоемкий и муторный, что игра не стоила свеч. К тому же дело казалось ей очевидным: убийца застигнут на месте преступления.

Бьярн задержался у дверей, глядя на Мару. Явно хотел что-то ей сказать, но сомневался, стоит ли. Все же не выдержал:

– Рана сильно беспокоит? Сейчас оба ложитесь и отдыхайте!

Мара чуть было не вспыхнула снова – опять эти покровительственные интонации в его голосе. То волосы не стриги, то ложись и отдыхай! Что дальше? Но тут же кольнула совесть: Мара чувствовала себя значительно лучше именно потому, что Бьярн поделился с ней частью жизненной силы. И хотя он старательно не показывал вида, но Мара точно знала, что приходить в себя потом не так-то легко.

– Ладно, – за обоих ответил Эрл.

И Мара не стала спорить, они действительно нуждались в покое. Зато у мальчика дела быстро шли на поправку: детские организмы быстро восстанавливаются, да тут еще вестяник сыграл свою роль – через несколько дней Эрл будет как новенький. Аппетит отличный, и щеки порозовели.

– Можно мне каши еще? – словно в ответ на ее мысли спросил Эрл у хозяйки. Он выскреб свою тарелку и оглядывался, разыскивая, чего бы еще съесть.

– Ась? Что, милок? – бабка приложила ладонь к уху. – Глуховата я стала.

И юркнула за дверь. Мара только головой покачала: артистка, так ее. Переложила половину своей каши мальчику в тарелку – все равно есть не слишком хотелось. Потом доковыляла до постели и с облегчением легла, вытянув ноги.

В безопасности. Живы. Солнце светит в окна. Как же хорошо.

Поспать, однако, не удалось. Бабка не сумела удержать язык за зубами. Совсем скоро Мара услышала возню у дверей, неясный гулкий голос Бьярна и незнакомый женский, с плачущими интонациями. Мара выругалась про себя и пошла открывать.

Эрл, облизывающий ложку, с любопытством ждал развития событий. В комнату влетела худенькая немолодая женщина, Бьярн с виноватым видом зашел следом. На заднем плане маячила бабка, лицо хитрое и довольное: будет о чем посудачить.

Гостья увидела Мару и тут же, без предисловий, бухнулась перед ней на колени, обхватила за ноги. Мара сцепила зубы, чтобы не закричать: боль резанула рану. Но женщина, похоже, была в отчаянии.

– Деточка, милая! Спаси его!

Мара растерялась. Видно, мать Базиля совсем ума лишилась от горя. Такое бывает иногда. Некоторые, потеряв близких, вот так же упрашивали оживить. И уговоры, и объяснения, что воскрешенный уже не будет тем человеком, которого они любили, что он лишь тело без разума, обычно не действовали на убитых горем родных.

– Невозможно… – прошептала Мара. – Он умер. И этого не изменить.

Женщина подняла залитое слезами лицо.

– Его казнят, если докажут, что специально убил. Мой сын не виноват. Вендим всегда был добрым, хорошим мальчиком.

Ах, вот оно что. Это мать Вендима – убийцы, что ожидает сейчас своей участи в погребе. Законы в Симарии строги к убийцам. Если докажут, что он совершил это преднамеренно, виселицы парню не избежать. Но если, допустим, окажется, что он только защищался, то…

Мара вновь вспомнила шатуна, бормочущего одно-единственное слово. «Мирно, мирно, мирно…» Она так и видела, как широко распахнулись глаза Базиля, когда Вендим всадил деревянный кол ему в грудь.

– Неужели ничего сделать нельзя? – горячо шептала женщина, сжав в ладонях ледяные руки Мары. – Оживить хоть на минуточку? Спросить, как все было?

– Вообще-то есть один способ, – нехотя призналась Мара.

Тело привезли в Выселенки довольно быстро и оставили лежать на телеге посреди двора.

– Я только возьму немного крови, и можете вернуть его матери, – сказала Мара.

Она держала в руках узкий нож и жестяную миску. Эрл высовывал из-за дверного косяка любопытный нос: ближе подходить боялся, но и уйти был не в силах. Мара снова вздохнула про себя: хорошо, что он не помнит, что с ним случилось, и вид мертвого тела не пугает его.

– Фу-у, – протянул Эрл, подсматривая за действиями Мары сквозь прижатые к лицу растопыренные пальцы. – Мертвая кро-овь!

– Брысь! – в один голос крикнули Мара и Бьярн.

Постепенно вокруг собиралась толпа. Мать Вендима не ушла больше со двора, но жители каким-то образом узнали о том, что происходит. Хотя тут к гадалке не ходи – понятно, кто растрезвонил. Люди стояли за частоколом – мрачные и молчаливые.

– Да что тут расследовать, Вендим и убил, – мрачно изрек один из мужиков.

– Молчи, Борат! Ты не можешь знать!

Мать Вендима сейчас готова была вспыхнуть от любого слова.

Мара старалась не думать о родных Базиля, которые пока так и не объявились. Осталось только надеяться, что они не против.

– Позовите сюда главу Выселенок. Он должен дать разрешение! – крикнула Мара в толпу.

– А что его звать! Вот он я! – все тем же угрюмым тоном произнес тот, кого мать убийцы назвала Боратом. – Ладно. Давайте. Самому интересно посмотреть, что у вас получится.

Мара подняла миску, наполненную кровью Базиля, кивнула:

– Я расскажу, что сейчас будет. Базиля я оживить не смогу, но я на время передам его последние воспоминания тому, кто согласится его представлять. Я нанесу на его тело магический узор, произнесу заклятие, и другой человек на несколько минут станет Базилем, повторит все его слова и действия. Вендим будет играть свою роль. Обмануть он не сможет – над ним я тоже произнесу заклинание, так что он словно вернется во вчерашний день, когда произошло убийство. Мы увидим, как все происходило, своими глазами. Кто согласен ненадолго превратиться в Базиля?

Толпа в едином порыве тут же отступила на шаг назад от ограды. Мужчины прятали глаза. Испытывать на себе некромантские штучки никто не желал.

– Умоляю! – крикнула плачущая женщина. – Хоть кто-то!

Мара беспомощно оглянулась: если желающих не найдется, вся затея бесполезна.

– Я побуду жертвой, – сказал Бьярн, разводя руками, словно говорил: «Напарник я или кто». – Уверен, на тот свет ты меня не отправишь.

Он хохотнул. Но слегка неуверенно.

– Приведите Вендима на место убийства и ждите нас там, мы скоро придем.

Мара позвала Бьярна обратно в дом. Эрл, оказывается, прилег отдохнуть, ожидая, да так и уснул. Вот и ладно – во сне быстрее выздоровеет. Да и нехорошо ребенку на это смотреть. И тут кольнула Мару непрошеная мысль: он поправится совсем скоро, а потом куда его? Работа у них такая, что мальчишку

за собой таскать не станешь. Но тут же отмела сомнение – потом, все потом.

– Разденься по пояс, – скомандовала она напарнику.

На Бьярна, который как-то вдруг неловко и долго стал стаскивать с себя куртку, а потом рубашку, Мара не смотрела. Была занята тем, что добавляла в кровь Базиля ингредиенты из многочисленных баночек. То пару капель одного средства, то ложку другого, то щепотку кладбищенской земли. Она все время шептала что-то себе под нос.

– Ты ведь не училась в Академии, – подал голос Бьярн, который уже приготовился к неведомому ритуалу и неотрывно следил глазами за Марой.

– Нет, – односложно ответила та.

– А откуда тогда…

– Тихо! Ты меня сбиваешь!

В конце концов она взяла миску со снадобьем и встала перед Бьярном. Лицо сосредоточенное, губы сжаты – Мара всегда становилась такой, когда занималась делом.

– Если будет током дергать, это ничего. Это нормально.

– Отлично, – проворчал Бьярн.

Мара обмакнула указательные пальцы в приготовленную смесь и коснулась ими ямочки на шее Бьярна, а потом быстро начала чертить на его теле замысловатый узор, разводя руки все дальше в стороны, касаясь плеч, опускаясь на живот. Глаза у нее были полузакрыты, и она не переставала произносить напевное заклинание.

Слабые искры действительно слетали с ее ладоней, но Бьярн сидел не шевелясь. Он будто превратился в статую и все смотрел и смотрел на Мару не отрываясь, в его глазах застыло странное выражение. А ее пальцы продолжали скользить по его коже, вычерчивая знаки.

Но вот наконец она закончила.

– Бьярн?

– Да, – его голос был охрипшим, словно после сна.

– Мы сейчас пойдем на место преступления, и когда я скажу: «Умри», ты отключишься на минутку. За тебя говорить будет Базиль – его кровь.

– Да, хорошо… Мара…

– Что?

– Нет, ничего…

– Ты не волнуйся, это не страшно и совсем не опасно. Веришь мне?

Бьярн потянулся к ней, но опустил руки на полпути.

– Конечно, верю.

Толпу заметили издалека – даже спрашивать не пришлось, куда идти. Казалось, здесь собралась вся деревня, прибежали даже ребятишки и теперь носились под ногами у взрослых. У штакетника с заостренными кольями стоял, окруженный со всех сторон, парень. Одного кола как раз не хватало – видно, он и послужил орудием убийства.

Вендим оказался невысокого роста. Мара мысленно прикинула – он едва достигал плеча убитого. И Бьярн также возвышался над убийцей на две головы. За спиной Вендима пряталась его мать, она уже не плакала, словно потеряла всякую надежду.

– Где ты стоял тогда? Здесь? Встань и стой. Я произнесу заклятие, и ты как будто уснешь. Во сне ты повторишь все, что делал вчера.

– Я не виноват, – сказал Вендим, который, вероятно, повторил эти слова уже сотый раз за день. Точно они были волшебным заклинанием, призванным защитить его от беды.

– Тогда мы это увидим, – резко ответила Мара.

Замахала руками, делая знак зевакам: «Тихо, молчите все!» Толпа всколыхнулась в последний раз и затаила дыхание.

Мара подошла к Вендиму и прошептала ему что-то на ухо. Тот остался стоять, вот только глаза сделались пустыми и остекленевшими.

– Бьярн, готов?

Напарник кивнул.

– Умри!

…Они встретились случайно у дома Лары. Ну как случайно: Базиль надеялся вызвать девчонку на разговор. Непорядок это – она с ним гуляла, подарки принимала без счета, поцелуй обещала, а сегодня говорят, Лара твоя за руку с Тощим шла. С Вендимом, стало быть. И есть с кем за руку держаться – дохляк, в чем душа держится. И ладно, что грамоте учен, невеликая вещь. Для семьи от лишнего ума ущерб один.

Так он думал, шагая по дороге к дому той, кого уже привык считать своей невестой. И тут из дверей показался этот заморыш. Этот недомерок несчастный. Вышел из калитки с наглой харей, остановился. Смотрит.

– Эй! Поди-ка сюда! Поговорим!

– О чем, Базиль? Лара тебя не любит. Понимаю, ты расстроен. Но пока ты не успокоишься, к ней не зайдешь!

– Я? Не зайду? А кто меня остановит? Ты, что ли?

Базиль угрожающе надвинулся на Вендима. Кровь его кипела. В сопернике его раздражало буквально все: и чистенькая рожа, и умные словечки, которыми тот сыпал. Даже то, что в семье Вендима мир и лад, а его родители каждый день грызутся. Почему все ему, жалкому недомерку, достается?

Ненависть застила Базилю глаза. Руки тряслись от злости.

– Отойди! А то и ее убью, заразу продажную, и тебя тоже!

Он двинулся к калитке, но Вендим преградил путь.

– Нет! Базиль… Слушай… Давай попробуем решить все мирно!

– Мирно? Мирно?

Руки Базиля сомкнулись на горле Вендима, сжали изо всех сил.

Когда резкая боль пронзила грудь, вышибая из легких воздух, Базиль успел удивиться и даже, пожалуй, обидеться: «Это называется мирно?»

Это была его последняя сознательная мысль.

Глава 13

– Бьярн! Отпусти его! Отпусти! Слышишь!

Мара всем телом повисла на руках напарника, вцепившихся в горло Вендима. Почему-то заклятие «Отомри» подействовало не сразу.

Зеваки, завороженные разыгранной пьесой, не сразу пришли на помощь, но все-таки опомнились, оттащили Бьярна от Вендима. Тот еще долго втягивал в себя воздух посиневшими губами и кашлял, приходя в себя.

Бьярн очнулся, покачнулся, оглядываясь вокруг, словно не понимая, где находится, но постепенно взгляд его прояснился.

– Вы все видели! – крикнула Мара. – Вендим невиновен! Он только защищал жизнь Лары и свою!

Толпа зарокотала, соглашаясь. Борат тер затылок, размышляя, как вырулить из этой ситуации. Он избегал смотреть в сторону матери Вендима, которая будто не могла поверить произошедшему, стояла окаменев.

А на ступенях дома Мара увидела юную девушку. Видно, та самая невеста, из-за которой разгорелся весь сыр-бор. Она вглядывалась в лица, но не могла разобрать с такого расстояния, что происходит. Бледная как полотно, губу закусила. Но вот глава деревни крякнул, хлопнул Вендима по плечу, точно приносил извинения, и Лара, догадавшись, что Вендим оправдан, залилась слезами и бросилась к калитке, вцепилась в его рукав, прижалась.

– Ну, что ты, что ты… Вот глупая… Хорошо все! – Вендим гладил девчонку по волосам, а та дрожала и ревела.

– Пойдем отсюда! – бросила Мара. – Голова разболелась!

Они уже далеко отошли, когда их догнала мать Вендима. Она стала совать Маре в руки узелок, в котором поблескивали две ложки, покрытые позолотой, и тонкое колечко с маленьким камешком, наверное, обручальное.

Если бы она предложила денег, Мара взяла бы их не раздумывая, но это подношение явно говорило о том, что с деньгами в семье негусто, и хотя благодарная женщина готова отдать последнее, Мара не могла принять такой дар.

Она подняла виноватый взгляд на Бьярна, тот все понял и кивнул.

– Не надо ничего, – устало сказала Мара.

Настроение, однако, стремительно катилось вниз. Да, они помогли распутать дело. Спасли Вендима от смерти. Но Базиль… Он просто был слишком молод. Он

мог измениться когда-нибудь. Теперь не сможет.

К тому же вновь вылезли сомнения и тревоги, которые Мара так старательно пыталась спрятать поглубже. У них всего несколько монет на двоих. Вернее, на троих. Надо отпустить Бьярна. Она должна. Еще немного, и он ничего не успеет заработать до начала зимы. А Эрл? Как быть с ним?

– Ты что невеселая, птаха?

Бьярн, покрытый до пояса кровавыми разводами, выглядел жутковато. Под кожей перекатывались жгуты мышц. Если бы Мара не знала Бьярна и случайно повстречала на пути, она бежала бы, не оглядываясь, куда глаза глядят. Она и сейчас невольно отодвинулась, отступила на шаг. Бьярн заметил, сжал челюсти, но ничего не сказал.

Вернулись в дом. Мара, не снимая обуви, легла на кровать и отвернулась к стене. Отчего-то не радовали больше ни солнечный свет, проникающий в окна, ни ветер, заставляющий трепетать легкие занавески, ни запах домашнего уюта, когда смешиваются ароматы трав, что сушатся под потолком, с запахом каши и хлеба, а еще пыли и земли.

Все это слишком живо напоминало Маре ее собственный дом, в котором она жила с мамой и папой. И конечно, тот дом, где она жила с дедулей Биргером.

На секунду ей показалось, что вот сейчас, стоит ей открыть глаза, она увидит маленькое окно с колючим цветком, который дедуля упорно звал по имени – Куксом. Противный этот цветок сотни раз колол Маре руки, когда она пыталась поправить занавески, а цвел всего лишь раз в год. Никакого толка от него.

Она откроет глаза, потянется, еще вялая ото сна, и не спеша подойдет к столу. Дедуля по привычке встал рано и ушел в лес собирать травы, но под чистым вышитым полотенцем ее ждет завтрак – молоко и хлеб. А иногда пряник или медовая сота. Мара сядет, подогнув под себя ногу, и примется задумчиво отламывать маленькие кусочки, мечтая о будущем: еще немного – и она отправится поступать в Академию. В Соувер.

Воспоминание потрескалось. Покрылось черной паутиной. Рассыпалось прахом.

Мара почувствовала, как по ее щеке скользнула одинокая слезинка, и поскорее стерла ее рукой. Ничего. У нее больше ничего нет. Она и в воспоминаниях не может найти прибежище. Самое светлое отняли у нее. Потому что, стоило начать думать о доме, о дедуле, о несбыточных глупых мечтах, когда она представляла себя студенткой Академии медицины, следом выползали из тьмы черные пауки и шипели, и шептали на все голоса: «А ты помнишь, что было дальше? Ты помнишь?»

Мара помнила все…

Она услышала, как скрипнул пол. Бьярн постарался подойти тихо, чтобы не потревожить: думал, она спит. Мара шестым чувством ощутила, как он смотрит на нее, прислушивается к дыханию, а потом так же тихо отступает.

Уже на самом деле задремав, она словно издалека слышала плеск воды во дворе. Бьярн смывал с себя кровавые разводы. Потом уловила легкое дыхание Эрла: все хорошо, мальчишка почти поправился. Значит, скоро надо что-то решать. И с ним, и с напарником.

Но у нее еще есть время! Целых семь дней на то, чтобы ни о чем не думать. И Мара решила позволить себе эту роскошь.

Дни в Выселенках, похожие один на другой, заполненные дремой и ленивыми прогулками, вовсе не казались Маре скучными. Она поняла, что так устала за эти месяцы бесконечных поисков работы, борьбы на грани жизни и смерти, ночевок у костра и жизни впроголодь, что теперь готова лежать целыми днями и жевать вкусный свежеиспеченный хлеб, намазанный вареньем.

К счастью, благодарные жители, хоть не смогли оплатить ее услуги деньгами – в деревне деньги роскошь, – зато кормили напарников от души. Каждое утро начиналось с того, что мать Вендима приносила на завтрак отварные яйца и пироги, а вечером на крыльце обязательно обнаруживалась корзина со снедью. И даже жадная бабка, скрипя зубами, вернула Маре пять монет, пожаловавшись ей же, что «глава распорядился дорогих гостей кормить за так». «Дорогих гостей» она произнесла таким едким тоном, что сразу стало понятно, как они ей дорого обходятся.

И все-таки наступил день, когда необходимо было принять решение. Эрл подружился с местными ребятишками, и хотя бегать сил у него пока не хватало, все же и дома он усидеть не мог. Мара знала, что Эрл стал частым гостем в доме Вендима и добрая женщина подкармливает худенького мальчика, который чудом выкарабкался с того света, то сливками, то сладкой кашей. Эрл никогда не отказывался – Мара только диву давалась, какой он маленький обжора.

Она видела, что здесь ему хорошо, и знала, что мать Вендима согласится принять мальчика у себя в семье. И не только в качестве благодарности за спасение сына. Эрл был таким очаровательным ребенком, что все его любили совершенно искренне.

Мара долго думала и решила, что оставит Эрла в Выселенках. Едва ли те, кто желал мальчику зла, смогут найти его в маленькой деревушке – это все равно что искать иголку в стоге сена. Сегодня же договорится. А завтра утром надо уходить. По крайней мере, до Тракта, а там…

Она не должна больше удерживать Бьярна. Как-нибудь сама справится. Выбора-то все равно нет.

Сначала Мара переговорила с семьей Вендима и получила тот ответ, на который надеялась. «Да, конечно, мы рады принять маленького Эрла. Он, бедняжка, и так столько всего пережил! Вырастим как родного сына, ни о чем не волнуйся!» Условились о том, что приведет его утром. Не хотелось расставаться прямо сейчас, и, признаться, тяжело становилось на душе от мысли, что завтра придется проститься с ним навсегда. Мара успела привязаться к смышленому славному мальчику.

С Бьярном решила обсудить все вечером. Дождалась, пока Эрл убежал на улицу к друзьям, а хозяйка дома отправилась к колодцу посплетничать. Бьярн сидел за столом и пил взвар, настоянный на травах.

Мара присела рядом, опустила подбородок на сложенные на столе руки. Вспоминала почему-то, как она вот так же сидела девчонкой, наблюдая работу отца в кузне. Хотя при чем здесь отец? Бьярн и не похож даже. Мара вдруг удивилась, осознав, что не знает, сколько лет ее напарнику. С этой бородой и густыми волосами он казался таким взрослым, почти старым.

Тут Бьярн поднял на нее серые с коричневыми крапинками глаза, и Мара поняла, что он еще очень молод. Едва ли намного старше ее самой. Ему в глаза она обычно старалась не смотреть, как и вообще в лицо, – ни к чему это. А вот сейчас не успела отвернуться и разглядела.

– Ты что, птаха? – спросил он и улыбнулся.

Мара зажмурилась. Вот сейчас надо сказать. И всем сразу станет хорошо. Он, может, и сам давно хочет уйти, да только держит слово, данное ей.

– Бьярн… Что-то не заладилось у нас дело в этом году. Сам видишь – денег едва хватит на ближайшую неделю. Разделим их честно пополам и…

– И? – удивился Бьярн, в его голосе смешались удивление и что-то похожее на раскат приближающейся грозы. – Это ты о чем, птаха?

Мара вздохнула.

– Я освобождаю тебя от слова. Ты один гораздо больше заработаешь сейчас. Я еще… В общем, плохой из меня пока напарник.

Она не поднимала головы, когда объясняла. На самом деле ей было страшно. Одно дело – мысленно все проговорить, решить, отпустить. Представить, как завтра, дойдя до Тракта, они разойдутся в разные стороны. И совсем другое – ждать сейчас его ответа. Он помолчит ради приличия, а потом, конечно, согласится.

Бьярн действительно молчал. И молчание это уже переходило все разумные пределы. Мара быстро взглянула на него исподлобья. Лицо у напарника застыло, скулы напряглись. Мара не могла понять, что это значит. Злится? Но за что? Ведь она делает это ради него.

– А Эрл? – спросил Бьярн, и ни слова о решении Мары насчет него.

Вот как. Значит, согласен. Сердце Мары стукнуло как-то неровно, словно споткнулось обо что-то.

Сбиваясь, она рассказала о том, что мальчика заберет себе семья Вендима. Они добрые люди, Эрлу здесь будет хорошо. Никто и никогда не разыщет его здесь.

Бьярн снова долго молчал. Только ложку, которой он до этого помешивал взвар, сжимал в руке все крепче, так что она смялась, словно оловянная. Мара отодвинулась на край скамейки, готовая, в случае чего, вскочить и бежать. Он пугал ее.

«Нет. Это же Бьярн. Он не сделает мне ничего плохого…»

Мара встала и сделала шаг к двери. Лицо Бьярна исказилось, будто он получил пощечину. Только сейчас он увидел, что сделал с ложкой, и со звоном кинул ее в чашку.

– Мара!

Едва ли он хотел кричать, но его сильный голос даже от малейшего повышения тона превращался в колокольный набат.

Мара прижалась к стене, закрываясь руками, не вполне осознавая, что делает, и думая только о том, что на столе рядом с хлебом лежит нож. Кухонный нож. Он не слишком острый, но ничего, пойдет и такой.

По лицу Бьярна одно за другим скользнули непонимание, обида и раскаяние.

– Мара, ну что ты… Это же я… Это я, птаха…

Он протянул к ней руки, как показывают открытые ладони диким животным, убеждая, что не причинят им вреда. Мара прерывисто дышала, следя за ним испуганными глазами.

– Пожалуйста, Бьярн, не подходи, – сказала она, пытаясь сохранять остатки хладнокровия, но голос ее подводил.

Он застыл словно на невидимой границе, разделяющей их, – не подходил ближе, но и не отступал.

– Мара, девочка… Не знаю, что с тобой случилось и кого ты сейчас видишь, но это я. Разве я когда-нибудь тебя подводил?

Мара качнула головой: «Нет».

– Я не хотел тебя пугать.

Он проследил за ее взглядом, который Мара то и дело кидала на злополучную ложку.

– Я никогда не сделаю тебе больно. Веришь мне?

Мара кивнула: «Да».

– Я только хотел сказать тебе, что не уйду и не брошу тебя. Вместе придумаем что-нибудь. Да хоть в обоз наймемся. Я просто удивился, что ты вот так просто хотела меня вышвырнуть…

– Я не… – голос Мары сорвался, пришлось начать сначала: – Не вышвырнуть. Освободить.

– Ладно. Ладно, птаха. Я ошибся. И ты ошиблась. Все хорошо.

Мара почувствовала, как ее отпускает. И тут же ослабли ноги, так что она сползла по стене и села на пол. Чего она так испугалась? Это же Бьярн. Тот, кто заштопал ее рану. Поделился частью жизненной силы. Тащил ее на руках… Теперь ее трясло от чувства вины и собственной глупости.

Бьярн опустился рядом на колени. Мара увидела, что он протягивает ей свою чашку со взваром. Она допила. Он сел, облокотившись о стену. Мара, стараясь показать, что действительно ему доверяет, что все случившееся сейчас – недоразумение и просто какое-то наваждение, пересилила себя и положила руку ему на сгиб локтя. А потом и голову на плечо. Он ее напарник. Надежный и верный. Не страшно ведь, если два напарника просто посидят рядом…

Бьярн накрыл ее ладонь своей пятерней.

Поцеловал волосы.

Поцеловал застывшие, превратившиеся мгновенно в камень губы. Он не чувствовал, как Мара под его поцелуями превращается в ледышку. Она оцепенела и даже не дышала.

– Мара… Как ты не видишь… Я люблю тебя, птаха моя…

Отстранился, пытаясь поймать ее взгляд, и наткнулся на дикий ужас в потемневших глазах.

– Отпусти… – произнесла она одними губами.

Бьярн поднялся и ее тоже поднял на ноги. В его глазах горело отчаяние.

– Отпустил. Не держу.

Мара сделала два шага назад, ближе к столу и ножу на доске.

– Любишь, – повторила она. – Любишь меня.

И вдруг начала хохотать так неистово и жутко, что Бьярн вскинул голову, будто его ударили, и ушел, тихо притворив за собой дверь.

Он ушел, а Мара все никак не могла перестать смеяться, сама понимая, что с ней творится что-то неладное.

Но ведь это правда смешно. Что тут можно любить? Стриженые волосы? Обветренные губы? Обломанные ногти? Тело, изуродованное шрамами. Он сам столько раз ее штопал – все видел. Так к чему эта глупая шутка?

Рот горел огнем от его поцелуя. Бьярн пах медом. Медом. Проклятье.

Мара схватила подушку и вцепилась в нее зубами, лишь бы только унять этот смех, что раздирал ее на части. Ничего, завтра все закончится. Бьярн пойдет своей дорогой, а она своей.

Глава 14

Светловолосая девочка, уже почти девушка, старательно перерисовывала изображение из книги на лист бумаги. Если бы кто-то мог сейчас заглянуть через ее плечо, он, несомненно, удивился бы, ведь такие юные особы должны рисовать цветы или что-то другое, такое же милое, но старательная художница пыталась перенести на бумагу изображение человеческого легкого. Которое, к слову сказать, казалось ей не менее прекрасным, чем цветок или бабочка. А тот единственный человек, который мог наблюдать за ее работой, нисколько не удивился бы, а скорее похвалил бы свою воспитанницу за усидчивость и старательность.

Он, кстати, скоро явился, удовлетворенно кивнул, увидев, чем занята девочка, и не стал мешать, занялся своими делами – принялся изготовлять вытяжку из листьев молочного стреловида для облегчения боли. Только когда время подошло к обеду, он окликнул ученицу:

– Зайчонок, пойдем пожуем, что Всеединый послал.

– Сейчас, дедуля… У меня вот тут, посмотри, не очень выходит…

Профессор Вигге подошел и встал за ее спиной, разглядывая рисунок, который был еще неловким, пока совсем детским, но очень старательным. Улыбнулся, стараясь, чтобы она не заметила его улыбки, а вслух произнес:

– Отлично, зайчонок. До поступления еще четыре года, ты успеешь подготовиться, я обещаю.

Девочка вздохнула. Она была еще не очень уверена в своих силах, но надеялась, что все получится.

– Ты еще обещал, что в следующий раз, когда в город позовут, ты мне разрешишь самой осмотреть больного.

– Помню, помню… Ну, раз обещал…

Биргер Вигге, профессор и известный даже самому Вседержителю медикус, несколько лет назад дал себе зарок отойти от дел. Что-то случилось тогда в Академии медицины, и происшествие это не давало ему покоя. Профессор Вигге бросил кафедру, которую возглавлял, своих студентов, свою безбедную жизнь и удалился в лес, чтобы вести уединенное тихое существование.

Но обмануть свое истинное призвание не так-то просто. Как бы Биргер Вигге не стремился уйти от своей судьбы, но в конце концов все в округе – и в небольших деревушках, вроде Зилушек и Сморилок, и в городке покрупнее, Лабранте, – узнали о том, что в лесу проживает талантливый медикус, способный вытащить человека буквально с того света. Из города за ним обычно присылали телегу, а деревенские жители чаще приходили сами, если в силах были идти. Если же нет, то профессор Вигге, ворча и ругаясь, отправлялся на помощь больному, даже если за ним прибегали ночью.

Поначалу юная воспитанница, зная о желании дедули Биргера отойти от дел, ревностно охраняла его покой. Сейчас ей смешно было вспоминать о том, как утром первого дня новой жизни она пыталась спровадить с крыльца растерянного молодого мужчину.

– Нет, он никого больше не станет лечить! – выговаривала она ему, уперев руки в бока. – Не трогайте его. Оставьте в покое!

– Кто там? – сварливо окликнул из глубины домика профессор Вигге, а потом и сам шагнул на порог, оттирая пальцы от чернил обрывком тряпицы.

Проситель бухнулся на колени. Глаза его были будто два темных омута, полных безнадежности.

– Жена от бремени не может разрешиться… Второй день уже… Помоги! Всеединым заклинаю, помоги!

– Почему так поздно пришел? – профессор Вигге тут же стал сдержан и собран, больше на разговоры тратить время не стал, ушел в дом и вернулся через минуту с холщовой сумкой, перекинутой через плечо. – Пошли.

– Меня возьмите! – пискнула девочка.

– Зачем ты там, глупая. Хочешь помочь – в доме прибери или…

– Возьмите! – крикнула она, разозлившись. – Ты не понимаешь! Я спасти могу!

Профессор Вигге внимательно посмотрел на нее и, видимо, понял.

– А, вот оно что, – только и сказал он. – Ну, идем.

Так и повелось с тех пор, что таинственный медикус, живущий в лесу, являлся на особо тяжелые случаи вместе с юной некроманточкой, которая всем и каждому сообщала о том, что некромантка она по рождению, а на самом деле ей очень-очень хочется стать медикусом, когда она вырастет. Она обязательно поступит в Соувере в Академию и сделается самой лучшей!

Дедуля Биргер сначала посмеивался, а потом незаметно, постепенно стал ее учить. Он не зря считался в свое время не только талантливым медикусом, но и выдающимся учителем. Профессор умел так аккуратно и легко вложить знания в головы самым нерадивым студентам, что в Академии ходили слухи, что без магии здесь не обошлось.

Девочка под его руководством изучала книги, помогала при операциях, готовила настойки и лечебные отвары. Порой она даже не понимала, когда профессор Вигге учит ее, а он учил ее постоянно.

– Налей себе молока, зайчонок. Кстати, если смешать молоко с той водой из родника, про которую ты говорила: «Фу, ну и запах», то получится отличное средство от кашля, – ненавязчиво сообщал он за завтраком.

– Вот, заштопай-ка мне рубашку, совсем износилась. Чувствуешь, какая тонкая ткань – чуть тронь, и порвется. Надо потихоньку, специальными стежками. Я тебе сейчас покажу, а дальше сама, – мог попросить он, и девочка, охотно помогая, даже не понимала в тот миг, что учится накладывать швы.

И так день за днем. Год за годом. Из тоненькой белокурой девчушки вырастала серьезная умная девушка с внимательными глазами и чуткими руками. Отзывчивая и добрая, открытая и доверчивая. Пожалуй, чересчур открытая и доверчивая… За что и заплатила слишком высокую цену…

Но до того дня было еще далеко. Еще несколько счастливых лет, полных надежд на будущее.

Как-то она увидела, что профессор Вигге достал из-под кровати сундучок и прячет в него пару серебряных монет.

– Я не беру денег от тех, кому это не по карману, но в городе живут люди, которые могут позволить себе расплатиться за мои услуги, – объяснил он чуть виновато: мало того что обещал не лечить больше, а лечит, так теперь еще и деньги за это берет. – А тебе нужны будут деньги, зайчонок. В Академию ты поступишь без проблем, я уверен. Да и мои старые связи… Кхе-кхе… Но обучение стоит денег, тут связи не помогут…

Девочка почувствовала, как у нее защипало глаза от слез, нахлынувших, когда она поняла, что дедуля Биргер делает это ради нее. Приблудной грязной девчонки, которую нашел в лесу. Потому, кстати, и звал зайчонком. «Вижу, скачет по тропинке, серенький такой!» – смеясь, объяснял он.

Однажды, вернувшись с ярмарки в Лабранте, Биргер Вигге положил на стол перед девочкой книги. Она радостно встрепенулась, но, взглянув на обложки, удивленно обернулась на учителя. Одна из книг называлась «Нечистые твари и способы избавления от них», а другая – «Некромантия. Краткий курс».

– Зачем это? – рассерженно спросила она. – Я не собираюсь в Академию темных искусств! Я ведь…

– Я знаю, – мягко прервал ее профессор Вигге. – Но это твоя сильная сторона. Глупо не использовать то, что дает тебе преимущество перед остальными медикусами, согласись. Кто еще сможет буквально вытащить больного с того света! Давай изучим, мало ли, пригодится.

Девочка подумала и согласилась – действительно, лишним не будет. В тот момент она еще не знала, как прав дедуля Биргер: пригодилось, и еще как. Именно благодаря этим знаниям и книгам, сквозь которые она продиралась вместе с учителем, – сама бы и половины не одолела, – она и смогла без труда сдать сложный экзамен на вступление в гильдию и получила сразу второй разряд.

Но если бы в тот момент, когда книги легли перед ней на стол, девочка сумела заглянуть в будущее и понять, что именно некромантия, а вовсе не медицина, станет ее уделом, она бы разорвала их в мелкие клочки. К сожалению, это не изменило бы того, что изменить нельзя…

Мара не могла сомкнуть глаз всю ночь, с трудом дождалась рассвета, чтобы начать собираться.

Вчера, едва заслышав шаги Бьярна на крыльце – он вернулся поздно вечером, – Мара упала на кровать и старательно делала вид, что спит. Эрл сопел на соседней кровати, и она попробовала подладиться под его сонное дыхание, чтобы у Бьярна даже сомнения не возникло в том, что и Мара погрузилась в глубокий сон.

Она слышала, как он остановился в дверном проеме и долго стоял, глядя на нее. Сердце Мары готово было выпрыгнуть из груди, колотилось о ребра так, что ей казалось, стук слышно на другой окраине деревни. Она боялась, что Бьярн заговорит с ней, и тогда она не выдержит, снова раскричится или, еще того хуже, расплачется. Не о чем ей с ним говорить. Все уже сказано…

Едва верхушка солнца вызолотила край облаков и в воздухе разлился первый розовый свет, Мара поднялась на ноги и начала укладывать мешок. Бьярн всегда тащил бо`льшую часть вещей, чтобы освободить ей руки, а сейчас придется самой. Ничего, справится.

Деньги честно разделила на три кучки. Получилось каждому по четыре монеты – все, что удалось скопить за это время. Бьярну, себе и родителям Вендима, согласившимся приютить Эрла. Смогут купить мальчику одежду на первое время, да и вообще пригодятся.

Деньги для Бьярна оставила на столе, не решилась отдать в руки. Она старалась передвигаться на цыпочках, чтобы не разбудить, и со страхом поглядывала на закрытую дверь его спальни – только бы не услышал шагов.

Но вот вещи уложены, можно уходить.

– Эрл, малыш, вставай, – прошептала она, наклонившись к мальчику.

Эрл открыл зеленые глаза, увидел Мару, искренне и радостно улыбнулся.

– Собирайся, пойдем со мной.

Эрл послушно вскочил, начал одеваться. Только потом заметил, что Мара одета по-походному.

– А мы куда? Мы уходим уже?

Он огляделся.

– А где Бьярн?

Мара с трудом удержала на лице улыбку – так вдруг стало пусто на душе.

– Он позже… позже придет… А мы с тобой сейчас к Вендиму.

– Ой, к Вендиму! Здорово!

Эрл запрыгал на одной ноге, скривился, ухватившись за бок – раны еще давали о себе знать, – но тут же выпрямился и махнул рукой, мол, ерунда.

К дому Вендима шли по пустынной улице, залитой янтарным сиянием, какое бывает только осенью, когда листья на деревьях и трава еще зелены и живы, но уже будто устали и готовятся к тому, что скоро придется проститься с этим миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/platunova_anna/tvoe-imya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить